

Михаил СЕРЯКОВ

РЮРИК и инстинкты истинной власти

Неведомая Русь

Михаил Серяков

**Рюрик и мистика
истинной власти**

«ВЕЧЕ»

2016

Серяков М. Л.

Рюрик и мистика истинной власти / М. Л. Серяков —
«ВЕЧЕ», 2016 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4444-8626-9

С именем Рюрика тысячелетняя отечественная традиция связывает основание Древнерусского государства и правившей на протяжении многих столетий династии Рюриковичей. Согласно Повести временных лет, именно он и два его брата, Синеус и Трувор, были призваны восточноевропейскими племенами на правление. По праву старшинства Рюрик стал первым князем, а поскольку оба его брата вскоре умерли, то и родоначальником династии. Древний летописец обходит молчанием происхождение князя и важные подробности его жизни, потому до сих пор он остается одной из самых спорных и загадочных фигур русской истории. Историк М. Серяков, задавшись вопросом, кто же были Рюрик и его братья, рассказывает о положении дел, сложившемся на севере Восточной Европы в IX веке перед призванием варяжских князей, и о тех конкретных причинах, которые побудили местные племена сделать именно такой выбор.

ISBN 978-5-4444-8626-9

© Серяков М. Л., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Вступление	6
Глава 1. Север Восточной Европы до Рюрика	9
Глава 2. Причины призвания	30
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Михаил Серяков

Рюрик и мистика истинной власти

Моему деду – Тихомирову Алексею Николаевичу – с любовью и благодарностью посвящается

© Серяков М. Л., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

Вступление

С именем Рюрика тысячелетняя отечественная традиция связывает основание Древнерусского государства и правившей им на протяжении многих столетий династии Рюриковичей. Согласно Повести временных лет (далее – ПВЛ), основному нашему источнику по ранней истории Руси, именно он и два его брата были призваны восточноевропейскими племенами. Как старший из них, Рюрик стал самым первым князем, а поскольку оба его брата быстро умерли, то и родоначальником правящей династии. В силу этого мы вправе ожидать от летописца весьма подробного рассказа о происхождении самого Рюрика и совершенных им деяниях, но вместо этого создатель ПВЛ оказывается удивительно скуп на информацию. Притом что сам он, как следует из вступления, собирался рассказать «откуда есть пошла Русская земля», все сведения, сообщаемые им о самом первом князе варяжской Руси, легко умещаются в одну строку:

Призван – срубил – родил – умер.

Это неожиданное гробовое молчание идет вразрез со всей средневековой традицией возвеличивания родословной основателя династии. Еще более странным подобное молчание становится в свете того, что в той же самой летописи приводятся более подробные рассказы о более ранних событиях, таких как расселение славян с Дуная, основание Киева, установление хазарской дани. Допустим, что автор ПВЛ по каким-то своим личным соображениям предпочел не писать о Рюрике, однако этот пробел не восполнил ни один из последующих летописцев, что делает данное обстоятельство еще более непонятным. Подобное умолчание при несомненной значимости фигуры первого князя и основателя династии делает Рюрика одной из наиболее загадочных фигур русской истории.

Все это закономерно привлекало и продолжает привлекать внимание к его личности, особенно в свете того, что это имя оказывается неотделимо как от варяжского вопроса, так и от более общего вопроса становления русской государственности. Однако ничтожно малое количество сведений о нем, сообщаемых отечественными летописями, делает понятной ту ситуацию, когда при почти необозримой научной литературе, посвященной указанным выше двум вопросам, исследований, посвященных собственно Рюрику, слишком невелико. До недавнего времени дело ограничивалось примерно десятком статей, но постепенно оно начинает меняться в лучшую сторону. Пять лет назад увидела свет книга Е. В. Пчелова, а два года спустя и С. В. Цветкова¹. Традиционный для отечественной науки водораздел по линии норманизма – антинорманизма со всей очевидностью проявился и здесь. Если первый автор всячески пытается убедить читателя в скандинавском происхождении Рюрика, то второй настаивал на славянском происхождении, настойчиво ища при этом кельтский след, а в одном месте даже попробовал отождествить основателя династии Рюриковичей с уэльским королем Родри Великим. Сравнение этих двух книг наглядно показывает масштаб норманистской пропаганды: если книга Е. В. Пчелова была издана в популярной серии «Жизнь замечательных людей» тиражом в пять тысяч экземпляров, то тираж книги С. В. Цветкова составил всего лишь тысячу. Положение несколько исправил научно-популярный фильм М. Задорнова, в очередной раз привлекая внимание широкой общественности к фигуре первого князя.

Однако при всех различиях у обоих работ имеется один общий и достаточно существенный недостаток. Хорошо известно, что религиозные представления играли огромную роль в жизни средневековых людей. Хоть отдельные средневековые источники совершенно отчетливо говорят о том, что носитель власти как у восточных, так и у западных славян

¹ Пчелов Е. В. Рюрик. М., 2010; Цветков С. В. Князь Рюрик и его время. М. – СПб., 2012.

воспринимался как священная фигура, однако детально этот аспект как политической, так и религиозной жизни наших далеких предков практически совсем не изучен. Пробел как будто немного восполнила изданная в 2009 г. монография И. В. Лисюченко «Миф, ритуал и власть у восточных славян», однако для интерпретации всего собранного материала автор избрал концепцию Д. Фрэзера и «основной миф» В. В. Иванова и В. Н. Топорова. Об ошибочности реконструкции двух отечественных ученых мне уже приходилось писать в исследовании о вселенском законе², что же касается концепции Д. Фрэзера, то и в отношении ее как в отечественной, так и в мировой литературе было высказано достаточно давно весьма много критических замечаний. Ни в коей мере не отрицая того большого вклада, который эти трое ученых внесли в изучении различных аспектов религии, все-таки отметим, что их концепции не соответствуют имеющимся данным и нуждаются в серьезном критическом отношении. Наложение же при интерпретации собранного материала двух ошибочных концепций друг на друга привело к тому, что, несмотря на большую проделанную работу, в ряде случаев И. В. Лисюченко пришел к таким выводам, с которыми трудно согласиться. Поскольку образа самого Рюрика этот исследователь не касался, а из дошедших до нас сведений ничего не указывает на то, что основатель княжеской династии имел какое-то отношение к змеоборческому мифу, то и в этом отношении данное исследование не смогло заполнить лауну.

Хоть имеющиеся данные о Рюрике весьма малочисленны, однако они все-таки позволяют сделать некоторые выводы по поводу тех религиозных представлений, которые наши далекие предки связывали с призванным ими князем. Очевидно, что без их учета мы до конца не поймем ни причин, по которым был призван Рюрик, ни причин, по которым о нем почти ничего не сообщают христианские монахи-летописцы. Однако подобный анализ отсутствует как у Е. В. Пчелова, так и у С. В. Цветкова. Понятно, что было бы наивно ждать от норманиста изучения славянских языческих представлений, способствовавших призванию варяжского князя. Что же касается С. В. Цветкова, то, возможно, сыграли свою роль как ограниченность источников, так и ориентированность на поиск кельтских корней варягов в целом и Рюрика в частности. В очередной раз мы видим недооценку того принципиального факта, что призвание Рюрика, Синеуса и Трувора происходило в языческую эпоху и призывавшие их племена руководствовались своими, в том числе и религиозными представлениями о сущности княжеской власти. К сожалению, из-за упорной деятельности христианства по искоренению исконной религии наших предков мы сейчас можем сказать об этих представлениях весьма мало. А. А. Прохоров недавно совершенно справедливо отметил, что проблеме сакрализации власти у славян за все последнее столетие не уделялось достаточного внимания, что отчасти обусловлено состоянием дошедших до нашего времени источников: «Если в целом остатки языческой идеологии продолжали существовать длительное время, то представления о языческой сакрализации власти очень скоро были уничтожены христианством и заменены христианской системой»³. Однако дошедшие до нас фрагменты все-таки позволяют сделать определенное заключение о том, какие именно языческие представления наши предки связывали именно с Рюриком. Еще в XIX в. исследователи обратили внимание на то, что имя первого русского князя перекликается с именем персонажа славянской мифологии Рарога, одним из воплощений которого был сокол. За прошедшее время была установлена связь отдельных представителей династии Рюриковичей с образом сокола, однако ни одной специальной монографии, посвященной этому мифическому соколу и тому, насколько оправданно было его сближение с Рюриком, написано не было.

² Серяков М. Л. Вселенский закон – незримая ось мироздания. М., 2005. С. 77-79.

³ Прохоров А. А. К постановке проблемы стадийного развития представлений о сакральности княжеской власти в славянском язычестве // Выбранные науковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Т. 2. Минск, 2001. С. 43.

Однако, прежде чем приступить к изучению мифологических представлений, связанных с основателем первой русской княжеской династии, необходимо обратиться к еще одному важному аспекту, также способному немало сказать о том, кем были Рюрик и его братья и почему летопись крайне мало сообщает о них. Речь идет об общей обстановке, сложившейся на севере Восточной Европы перед призванием варяжских князей, и о тех конкретных причинах, которые побудили жившие там племена сделать именно такой выбор. Правильное определение причин призвания также способно хотя бы отчасти восполнить молчание на сей счет монахов-летописцев.

Глава 1. Север Восточной Европы до Рюрика

Под 859-862 гг. летописец сообщает: «Въ л#т 859. [И] маху дань Вар#зи изъ заморья. на Чюди и на Слов#нех. на Мери. и на вс#хъ Кривич#хъ. <...> В л#т 862. Изъгнаша Вар#ги за море и не даша имъ дани. и почаша сами в соб# волод#ти. и не б# в нихъ правды. и вѣста родъ на родъ. [и] бѣша в них# усобиц#. и воевати почаша сами на с# [и] р#ша сами в себ#. поищемъ соб# кн#з#. иже бы волод#ль нами. и судиль по праву. [и] идаша за море къ Вар#гомъ к Русі. <...> р#ша. Русь. Чюдь [и] Слов#ни. и Кривичи. вс# земл# наша велика и #билна. а нар#да в ней н#тъ. да поид#те кн#жить и волод#ти нами»⁴ – «В год 859. Варяги, приходя из-за моря, взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с веси (поскольку затем брат Рюрика садится в Белоозеро, которое, согласно ПВЛ, находилось в земле веси, большинство исследователей считают, что в исходном тексте речь шла именно об этом племени, а не о “всех кривичах”), и с кривичей. <...> В год 862. И изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сами решили: “Поищем сами в себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. <...> Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”». Новгородская первая летопись дает несколько иной перечень плативших варяжскую дань племен: «Въ времена же Кыева и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии Словени, и Кривици, и Меря: Словен# свою волость им#ли, а Кривици свою, а Мере свою; кождо своим родом владыше; а Чюдь своим родом; и дань даяху Варягом от мужа по б#л#и в#верици; а иже бяху них, то ти насилье д#яху Словеном, Кривичемъ и Мерямъ и Чюди»⁵.

Хоть различные летописи и расходятся немного в перечнях призвавших трех братьев племен, все они исходят из того, что это были славянские и финно-угорские племена. Традиционное представление о последних как автохтонном населении региона недавно было поставлено под сомнение, однако свидетельство Тацита говорит о том, что они присутствовали здесь как минимум с начала I тыс. н. э.: «У финнов – поразительная дикость, жалкое убожество; у них нет ни оборонительного оружия, ни лошадей, ни постоянного крова над головой; их пища – трава, одежда – шкуры, ложе – земля; все свои упования они возлагают на стрелы, на которые, из-за недостатка в железе, насаживают костяной наконечник»⁶. Из перечисленных летописями племен к финно-угорской языковой семье относилась чудь, весь и меря. Что касается первого племени, то высказывались предположения, что так назывались финно-угорские племена будущей Новгородской земли: «Сознательно ли пропустил автор Повести водь, ижору и корелу или включил их в понятие чудь, достоверно решить в настоящее время нет возможности»⁷. А. В. Куза не исключает возможности тождества между собой чуди и веси: «Труднее решить вопрос о третьем участнике федерации: слишком запутанны и противоречивы здесь показания источников. Его племенное имя скрыто в предании под общим термином “чудь”. Если следовать смыслу легенды, поместившей Синеуса на Белом озере, то искомым чудским племенем была обитавшая там весь»⁸. Однако последняя точка зрения достаточно спорна, что же касается первой, то еще А. Н. Насонов отметил, что, в отличие от корел и ижоры, чудь никогда не упоминается в составе новгородского

⁴ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 19-20.

⁵ ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись. М., 2000. С. 106.

⁶ Тацит К. Сочинения в двух томах. СПб., 1993. С. 356.

⁷ Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X – XIII вв. М., 1975. С. 183.

⁸ Там же. С. 149.

войска. Сам он считал ее эстами, к аналогичному выводу на основании анализа летописных текстов пришла и Р. А. Агеева, установившая, что в начальной части ПВЛ «почти во всех случаях под чудью несомненно подразумеваются эсты»⁹. Обычно финно-угорские племена воспринимаются как рыболовы и охотники, однако к моменту призвания варягов они прошли уже достаточно большой путь развития по сравнению с описанным Тацитом уровнем. Во второй половине I тыс. в центральных и восточных районах Финляндии и в Карелии существовало уже земледелие, однако масштабы его были ограничены. Весь также знала подсечное земледелие. Показательны и археологические исследования захоронений этого племени: «В мужских погребениях всегда встречаются топоры и ножи. Орудия других типов (сошник, коса) единичны. В курганах юго-восточного Приладожья X-XI вв. обычны также находки оружия: наконечники стрел и копий, боевые топоры. Оружие представлено в основном общеевропейскими формами. Только среди наконечников стрел имеются специфические для местного финно-угорского населения срезни без упора. А. Ф. Медведев отмечал, что русским населением этот тип стрел не употреблялся. По подсчетам С. И. Кочуркиной, среди учтенных наконечников стрел Приладожья срезни такого типа по числу находок занимают второе место. Они датируются X-XI вв.»¹⁰. Археологические данные фиксируют почти поголовное вооружение мужчин, а общественный строй веси X-XI вв. специалисты характеризуют как патриархально-родовой на стадии военной демократии. Хоть вопрос о том, можно ли экстраполировать эти данные на век раньше, остается открытым, в случае положительного ответа на него следует отметить, что хоть финно-угры в целом и отставали от славян в социально-экономическом развитии, однако качественного разрыва в военной сфере, наподобие того, что имело место в эпоху колонизации европейцами Америки и Африки, между ними не было. При изучении погребальных обрядов веси С. Д. Захаров отметил, что в них «прослеживаются определенные черты сходства с обрядами западных славян, сопочными погребениями Поволховья и погребениями типа “домик мертвых”, характерные для веси, что говорит о смешении населения этого региона»¹¹. К моменту образования Древнерусского государства финно-угорские племена региона находились на стадии разложения первобытно-общинных отношений.

Что касается мери, то Д. О. Митин отметил, что на вооружении у ней уже в VII-IX вв. находились традиционные для финских племён образцы ромбовидных наконечников стрел так называемого новгородского типа, топоры, наконечники больших копий и коротких металлических копий. IX – середина XI в. характеризуются заметным увеличением в мерянском комплексе вооружения доли новых, заимствованных форм, в том числе и мечей. Насыщенность того или иного поселения оружием напрямую зависела от уровня социально-экономического развития. Так, на находящейся в «финской глубинке» Поповском городище IX в. на р. Унжи было обнаружено всего 16 наконечников стрел. С другой стороны, на Сарском городище, самом крупном центре мери, на котором впоследствии фиксируется и славянское присутствие, их зафиксировано 80 экз., а также 26 наконечников копий, 24 топора, 5 наконечников сулиц, 1 меч, 1 обломок однолезвийного меча и 1 обломок наконечника ножен боевого ножа скрамасакса¹².

Следует отметить, что В. В. Седов констатирует участие переселенцев из западно-славянских земель в образовании мери: «Вопрос о сложении новой (мерянской) культуры в Волго-Клязьменском междуречье невозможно решить без учета распространения в этом

⁹ Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 89.

¹⁰ Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987. С. 61.

¹¹ Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. С. 127.

¹² Митин Д. О. Вооружение летописной мери (опыт реконструкции) // История и культура Ростовской земли. 2006 г. Ростов, 2007. С. 49-60.

регионе предметов провинциально-римских типов. Их появление здесь, как и в других землях Восточно-Европейской равнины, безусловно, отражает прилив населения из Средне-европейского ареала. <...> Около Сарского городища исследован грунтовый могильник, в котором открыты захоронения по обрядам кремации и ингумации. Наиболее ранние погребения датируются VI-VII вв. Подобные могильники известны и в других местностях Волго-Клязьминского междуречья. <...> На присутствие финского этнического компонента среди жителей Сарского поселения указывают и приземистые сосуды, и украшения финно-угорского облика. Да и пласт древней финской гидронимии Волго-Клязьминского междуречья достаточно определенно свидетельствует об участии финноязычных аборигенов в генезисе раннесредневекового населения этого края. Вместе с тем несомненно, что культуру Сарского поселения, как и подобных ему памятников, никак нельзя отнести целиком к финскому этносу. Основными создателями мерянской культуры все же были не местные финны, а среднеевропейские переселенцы. <...> Как и в других регионах лесной полосы Восточно-Европейской равнины, затронутых среднеевропейской миграцией в Волго-Клязьминском междуречье, в составе переселенцев доминировал славянский этнический компонент»¹³.

Что касается славян, то словене и кривичи упоминаются во всех вариантах Сказания о призвании варягов. Поскольку Трувор сразу садится в Изборске, а относительно Смоленска и Полоцка, других центров племенного союза кривичей, летопись сообщает об их подчинении власти новой династии лишь впоследствии, то в призвании варягов участвовала, скорее всего, только псковско-изборская часть кривичей. На основании археологических данных В. В. Седов констатирует весьма раннее их появление в Восточной Европе: «В конце IV-V века н. э. в бассейнах Ильменя и Псковского озера появляется новое население. Миграция шла из Висло-Одерского региона вдоль возвышенной гряды, оставленной валдайским оледенением – через Мазуринское Поозерье до Валдая. Об этом передвижении крупных масс населения говорят, с одной стороны, появившиеся в это время в лесной зоне Восточно-Европейской равнины предметы среднеевропейского провинциально-римского происхождения»¹⁴. К этому периоду относится возникновение псковских длинных курганов, которые этот исследователь связывает с кривичами. Поселение на месте Изборска существовало уже в V-VII вв., однако из-за последующих перестроек от него остались лишь единичные предметы. Весьма показательны, что уже в наиболее древних пластах Труворова городища VII-VIII вв. присутствует в достаточно больших количествах суковско-дзедзицкая керамика¹⁵, связываемая с племенным союзом ободритов. Среди лепных сосудов Изборска VIII-IX вв. западнославянская керамика составляет более 60 %¹⁶. Наземные срубные дома в Изборске находят аналоги в домостроительных традициях бассейнов Вислы и Одера¹⁷. Выводы В. В. Седова были поддержаны другими специалистами, подчеркивавшими, что Изборское городище «находилось в районе древнейшей славянской колонизации и было окружено рядом укрепленных пунктов (городищ-убежищ)»¹⁸. Последнее обстоятельство, возможно, указывает на то, что оно достаточно рано стало центром славянского населения данного региона. Даже норманист С. В. Белецкий согласился с тем, что на Труворовом городище «в VIII-IX вв. находился ремесленно-торговый протогородской центр, основанный славянскими

¹³ Седов В. В. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 391, 393.

¹⁴ Седов В. В. Первые города Северной Руси: проблемы становления // Ладога и истоки Российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 25.

¹⁵ Седов В. В. Изборск – протогород. М., 2002. С. 39.

¹⁶ Фомин В. В. Варяги и Варяжская Русь. М., 2005. С. 452.

¹⁷ Седов В. В. Жилища словено-кривичского региона // Краткие сообщения Института археологии (далее – КСИА). 1986. № 183. С. 10-12.

¹⁸ Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X – XIII вв. М., 1975. С. 170.

переселенцами с территории междуречья нижней Эльбы и Одера»¹⁹. Поскольку из летописей известно, что именно Изборск стал резиденцией Трувора, которого, по всей видимости, сопровождала часть пришедшей из-за моря варяжской руси, принципиальным является следующий вывод, сделанный на основе многолетних исследований городища: «В отличие от Ладоги ни в домостроительстве, ни в культовых особенностях, ни среди вещественных находок в Изборске не обнаружено элементов, указывающих на проживание выходцев из Скандинавии»²⁰. В другом своем выступлении В. В. Седов отметил единичность скандинавских находок на городище и особо подчеркнул, что «в археологических материалах Изборска проникновение скандинавов и пребывание дружины одного из легендарных братьев Рюрика (если подразумевать под ним скандинава. – М. С.) не находит какого-либо подтверждения»²¹. Хотя были попытки истолковать топоним «Изборск» как скандинавский, однако даже норманисты Т. Н. Джаксон и Т. В. Рождественская были вынуждены «констатировать, что... с уверенностью можно говорить только о его славянском происхождении»²². Наряду с показательным отсутствием каких-либо следов присутствия скандинавов мы видим в Изборске многочисленные следы проживания в нем выходцев из западнославянских земель, что, по всей видимости, и послужило одной из причин того, что он был избран резиденцией брата Рюрика.

Что касается ильменских словен, то исследователи отмечают, что на их землях встретились два потока славянских переселенцев, один из которых шел с юга, а второй – с запада. «На Волхов пришло, видимо, не какое-то отдельное и самостоятельное племя “словен”, а просто какая-то часть днепровских славян. <...> Наиболее древние типы височных колец “словен” – ромбоцитковые завязанные – датируются XI в. и найдены в верховьях Днепра, а не в Новгородской земле»²³. Горшки эсовидного профиля с небольшим венчиком из Приильменя имеют сходство с керамикой славянских памятников VII-X вв. лесостепи Восточной Европы, но особенно близки керамике культуры смоленских длинных курганов²⁴. На селище Прость, одном из древнейших из известных на данный момент поселений в новгородском Поозерье, помимо керамики третьей четверти I тыс. н. э. встречаются и так называемые крапчатые бусы. Поскольку подобные бусы отсутствуют в нижних горизонтах Старой Ладоги середины VIII в., исследователи пришли к выводу, что на селище Прость есть слои более раннего времени. Сами крапчатые бусы были распространены в основном в Центральной и Западной Европе и на юге Восточной Европы во второй половине V – начале VI в. или, по другим оценкам, с конца V до конца VII в. Соответственно, находка подобного типа бус на северо-западе может быть «обусловлена расселением на севере лесной зоны каких-то пришлых “южных” групп, возможно, славян»²⁵. На южный исток колонизации указывает и часть имен новгородцев: «Несомненную древность доказывают антропонимические парал-

¹⁹ Белецкий С. В. Происхождение Пскова // Города Верхней Руси. Торопец, 1990. С. 9.

²⁰ Седов В. В. Первые города Северной Руси: проблемы становления // Ладога и истоки Российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 30.

²¹ Седов В. В. О скандинавских находках в Изборске // X Всесоюзная конференция по изучению экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1986. С. 180.

²² Джаксон Т. Н., Рождественская Т. В. К вопросу о происхождении топонима «Изборск» // Древнейшие государства на территории СССР. 1986. М., 1988. С. 229.

²³ Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е. О датировке вала и рва Новгородского острога // Советская археология (далее – СА). 1970. № 4. С. 69.

²⁴ Конецкий В. Я. Центр и периферия Приильменя в IX-X вв. // Новгород и Новгородская земля. Вып. 8. Великий Новгород, 1994. С. 52.

²⁵ Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильмень и Поволховье // Русь в IX-XI веках: археологическая панорама. М. – Вологда, 2012. С. 95-96.

лели словенцев и новгородских словен XIII-XIV веков – с двух противоположных концов славянского мира: от подножий Альп и оз. Ильмень...»²⁶

С другой стороны, еще А. А. Шахматов знаменитое новгородское цоканье, наиболее яркую и заметную черту этого местного диалекта, объяснил тем, что в VII-VIII веках ляхские поселения были распространены далеко на восток от территории современной Польши: «Ляхи были поглощены русскою волною, но, смешавшись с северно-русами, они передали им некоторые звуковые особенности, вызвав между прочим и смешение *ц* с *ч*»²⁷. Внимательно проанализировав новгородские памятники письменности, Н. М. Петровский выявил в них обширный слой типично западнославянских имен и лексики, в результате чего пришел к выводу, что «можно предположить и западнославянскую основу в новгородском населении, оставившую свои следы в языке Новгородской I летописи и некоторых других памятниках»²⁸. Характеризуя древненовгородский диалект, А. А. Зализняк отмечает, что «ряд изгloss... связывает его с западнославянскими (особенно с северолехитскими) и/или южнославянскими (особенно со словенским)»²⁹.

Н. М. Петровский отметил такие новгородские имена, как Варфоломей, Микула, Ян, Матей и Домаш, которые были достаточно слабо распространены в остальной Руси, но зато широко были представлены у западных славян. Сходство между ними касалось не просто отдельных имен, но и способа их образования, что указывает на весьма глубокие связи между этими группами славянства: «Наконец имеется целых два разряда личных имен, свойственных в России почти исключительно новгородской области и своими суффиксами близких к таким, которые среди нерусского славянства употреблялись в подавляющем большинстве случаев на западе и сравнительно редко на юге. <...> При чтении новгородских памятников, в частности I Новгородской Летописи, бросается в глаза обилие личных имен с окончанием – ята (после шипящих – ата): Петрята, Гюрята, Воята, Н#жата, Вышата... Таким образом, личные имена с суффиксом – ета, распространенные преимущественно у западных славян, а в России всего чаще встречающиеся в новгородской области, сближают эту последнюю опять с западнославянским миром»³⁰.

Ряд особенностей новгородского диалекта указывает на то, что некоторое время он развивался обособленно от основного ядра славян³¹. Так, новгородско-псковский является единственным праславянским диалектом, в котором отсутствует вторая палатализация, что свидетельствует о том, что его носители отделились от общего массива раньше остальных. Сам процесс второй палатализации Т. Лер-Сплавинский датирует II-IV вв., Ф. П. Филин – III-V вв., А. Лампрехт – 575-650 гг., К. Э. Бидуэлл, Х. Бирнбаум – 600-750 гг., Ю. В. Шевелев, З. Штибер – VI-VII вв., В. Н. Чекман – V-X вв. Таким образом, данные языкознания также указывают на весьма раннее отделение предков новгородцев от остальных славян и их переселении на новую родину. Анализ гидронимов приводит лингвистов к аналогичному выводу: «В Новгородско-Валдайской и Тверской области и прилегающих к ним районах Псково-Чудской области много ранних восточнославянских названий, что свидетельствует об очень ран-

²⁶ Никонов В. А. Типология славянской антропонимии // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. М., 1983. С. 257.

²⁷ Шахматов А. А. К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры // Русский филологический вестник. 1913. Т. 69. № 1. С. 10.

²⁸ Петровский Н. М. О новгородских «словенах» // Известия Отделения русского языка и словесности (далее – ИОРЯС). 1922. Т. 25. С. 384.

²⁹ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.). М., 1986. С. 218.

³⁰ Петровский Н. М. О новгородских «словенах» // ИОРЯС. 1922. Т. 25. С. 377-378

³¹ Зализняк А. А. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М., 1984.

ней славянизации большей части территории. С этим согласуется и сравнительно небольшой процент субстратных названий (10,2 %)»³².

На западное происхождение части будущих жителей Новгорода указывает не только лингвистика, антропонимия, но и антропология: «... Узколищные суббрахицефалы Новгородской земли обнаруживают ближайшие аналогии среди краниологических материалов балтийских славян. Так, черепа ободритов... также суббрахицефальны (черепной указатель 76,6; у новгородских словен – 77,2) и узколищны (скуловой диаметр 132,2; у новгородских словен – 132,1). Весьма близки они и по другим показателям... Все эти данные свидетельствуют о том, что славяне, осевшие в Ильменском регионе, имеют не днепровское, а западное происхождение»³³. На западнославянский регион указывает и археология. Рассматривая различные группы новгородской керамики, Г. П. Смирнова отметила: «Аналогии первому типу новгородской керамики обнаружены в керамическом материале поморских славянских поселений северных районов Польши и германских земель. <...> Рассмотренная новгородская керамика наиболее близка к варианту группы Фрезендорф и Тетерев. И мекленбургская, и новгородская керамика одинаково датируются X в. Однако, если эта группа керамики в Мекленбурге генетически связана с более ранними формами и дает дальнейшее развитие, то в Новгороде керамика первого типа не имеет предшествующих форм и исчезает в середине XI в.»³⁴. В другой своей работе исследовательница отметила, что аналогичная западнославянской керамика появляется в Новгороде в наиболее древних его слоях: «На основании сопоставления новгородской лепной посуды с керамическим материалом славянских памятников северо-западных областей СССР, а также с материалами VIII-IX вв. из Польши и ГДР можно сделать вывод о том, что слой, лежащий ниже мостовых, относится к более раннему времени, чем середина X в.»³⁵. Ценность керамического материала заключается в том, что он свидетельствует о перемещении в Новгород отдельных групп западнославянского населения, поскольку сосуды явно не везли через море на продажу. В. В. Седов, обратившийся чуть ранее к анализу данного керамического материала, пришел к следующему выводу: «Объяснить появление биконических и реберчатых сосудов на ранних славянских памятниках Приильменья можно только предположением о происхождении новгородских славян с запада, из Венедской земли»³⁶.

Не касаясь пока Ладоги, Рюрикова городища и Новгорода, отметим другие интересные следы западнославянского присутствия в этом регионе. Подавляющее большинство поселений конца I тыс. н. э. в Ильменском Поозерье были неукрепленными. В настоящий момент известно только два поселения, защищённые валами и рвами. Сергов городок закрывал вход в Веряжу из Ильменя, а городище Георгий находилось в среднем течении этой реки и в центре всего поозёрского скопления поселений, выполняя там какие-то административные функции и, несомненно, играя особую роль среди этого скопления посёлков. Е. Н. Носов в связи с этим отмечает: «Особо заслуживает внимания внешний облик памятника. Сергов городок по характеру своего устройства и топографии не имеет аналогий в Приильменье. Сходные городища с мощными кольцевыми валами на низких местах, мысах или островах хорошо известны у западных славян. Для последних была весьма характерна модель расселения, когда освоение новой территории начиналось с постройки городища. Запад-

³² Агеева Р. А. Гидронимия псковской и новгородской (шелонская и деревская пятин) земель в свете истории заселения края. Автореферат... канд. филол. наук. М., 1971. С. 15.

³³ Седов В. В. Славяне в раннем Средневековье. М., 1995. С. 245.

³⁴ Смирнова Г. П. О трех группах новгородской керамики X – начала XI в. // Краткие сообщения Института материальной культуры (далее – КСИИМК). Вып. 139. 1974. С. 18.

³⁵ Смирнова Г. П. Лепная керамика древнего Новгорода // КСИИМК. Вып. 146. 1976. С. 9-10.

³⁶ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // Материалы и исследования по археологии (далее – МИА). 1970. № 163. С. 72.

ные аналогии Сергова городка – это одно из свидетельств возможных культурных связей ильменской группы славян с западнославянским миром. (...) По внешнему виду и размерам городище Георгий очень напоминает Сергов городок. Некоторое время первоначальное поселение оставалось неукрепленным, о чём свидетельствует зафиксированный под валом тонкий культурный слой. Время возведения первого вала и его последующие досыпки датируются периодом не позднее первой половины X в. <...> Среди находок представлены предметы сельскохозяйственного и бытового инвентаря... более 10 наконечников стрел, сланцевые оселки, глиняные и костяные пряслица и другие находки. Одним из интереснейших предметов является железный нож с волютообразными завершениями рукояти, долгое время остававшийся единственной находкой подобного рода в Приильменье (второй такой нож встречен на расположенном рядом с городищем Георгий селище Васильевское-1). Такие ножи были широко распространены на западнославянских землях и считаются характерными именно для славянских культур»³⁷. Следует отметить, что ряд исследователей трактует данный артефакт как славянский языческий жертвенный нож. Если это так, то данная находка является материальным свидетельством западно-восточнославянских контактов в религиозной сфере.

Исследование Городка на Маяте указывает, что выходцы из западнославянских земель появились в Приильменье весьма рано: «На фоне других приильменских городищ укрепления Городка на Маяте выглядят очень мощными. Обстоятельством, мешавшим изначально распознать наличие вала, стало то, что он был возведен на склоне городищенского холма и являлся не столько валом, сколько своеобразной пристройкой к пологому склону, придавшей последнему крутизну. Как недавно выяснилось, сходный прием был применен при строительстве крепости Рюрикова городища. В бассейне оз. Ильмень фортификационные сооружения, построенные в технике поперечных накатов, исследованы впервые. Многочисленные параллели обнаруживаются достаточно далеко от Приильменья – на западнославянских городищах VIII – X вв. Польши и Восточной Германии»³⁸. Радиоуглеродный анализ укрепления Городка на Маяте указал на его возведение в VI-VII вв. Более того: под валом был обнаружен мощный культурный слой, датируемый второй-третьей четвертью I тыс. н. э., а в жилой части городища была исследована славянская полуземлянка, радиоуглеродный анализ ее бревен указал на IV-VI вв.³⁹ В окрестностях Ладоги находилась недавно открытая каменно-земляная Любшанская крепость, основанная в последней четверти VII – первой половине VIII в. Однако результаты палеоботанических исследований показывают, что славяне там появились в более ранний период. Лингвистические и археологические данные говорят о том, что распространение ржи во многих случаях происходит примерно одновременно с расселением славян, в силу чего их можно считать носителями данной сельскохозяйственной культуры. На основании анализа пыльцы культурных злаков в данном регионе исследователи пришли к следующему выводу: «По нашим данным время культивирования пшеницы и ржи на месте Любшанского городища приходится на середину – третью четверть I тысячелетия н. э. Это совпадает со временем ее распространения в Приильменье. Учитывая близкую хронологию и состав культивируемых злаков, можно полагать, что земледелие распространялось в Поволховье и Приильменье почти одновременно в ходе единого этапа расселения славян»⁴⁰. «В отмытках из турбированной и ненарушенной частей

³⁷ Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX-XI веках: археологическая панорама. М. – Вологда, 2012. С. 97.

³⁸ Еремеев И. И. Исследования в Восточном Приильменье // Археологические открытия 2004 года. М., 2005. С. 30.

³⁹ Еремеев И. И. Раскопки славянского городка в Восточном Приильменье // Археологические открытия 2005 года. М., 2007. С. 19-20.

⁴⁰ Шитов М. В., Константинова Т. А., Лоскутов И. Г., Плешивцева Э. С., Сумарева И. В., Чухина И. Г., Щеглова О. А. Городская среда, землепользование и сельское хозяйство в средневековой Ладоге и ее округе (по палинологическим и

погребенной почвы Любшанского городища были обнаружены 28 диагностируемых зерен культурных злаков. Наряду с очень большим (до 22,1 %) участием пыльцы *Cerealia* в палиноспектрах аллохтонных почв это позволяет предполагать, что недалеко от Любшанского городища располагалось поле, где возделывались ячмень, пшеница и рожь. <...> Однако благоприятные свойства погребенной почвы Любшанского городища и присутствие в ней пыльцы и зерен культурных злаков свидетельствуют о том, что Древняя Ладога имела древнюю, развитую сельскохозяйственную округу на высоком правом берегу»⁴¹. Однако даже не это обстоятельство составило главную сенсацию при исследовании соседнего с Ладогой поселения. Т. А. Константинова отмечает, что по углю из погребенной почвы и горелым бревнам из-под насыпи вала и каменной кладки стен Любшанского городища были получены восемь радиоуглеродных датировок, причем две из них – 279 ± 70 г. н. э. и 469 ± 35 г. н. э. – являются экстремально древними. По всей видимости, они связаны с первым, ранне-субатлантическим этапом хозяйственной деятельности на территории городища. Остальные образуют почти непрерывную последовательность от 539 ± 70 - 549 ± 100 до 629 ± 80 - 639 ± 65 гг. н. э.⁴² Согласно исследованию ученых, «набор злаковых культур, распространявшийся в Новгородской земле в IX-X вв., был аналогичен ассортименту злаков, культивировавшихся в славянских памятниках Южной Балтики (Ольденбург), и существенно отличался от набора злаков, наиболее употребительных в то же время в расположенном по соседству скандинавском Хедебю»⁴³. Данное обстоятельство на примере Новгорода и Старграда в очередной раз показывает тесные связи между обоими регионами славянского мира.

Все эти данные указывают, что первая волна западнославянских переселенцев появляется на севере будущей Руси около V в. Детали этого процесса, в том числе и пути расселения, пока еще остаются не вполне ясными. По всей видимости, он отчасти напоминал древнегреческую колонизацию, когда переселение шло из различных центров. К сожалению, детальное изучение переселения выходцев из западнославянских земель на север будущей Руси только начинается, и вопросы хронологии и соотношения между собой удельного веса представителей различных племен на своей новой родине пока детально не разработаны. Очевидно, что это был разновременный процесс, в котором принимали участие живущие у моря различные племена западных славян, в первую очередь племенные союзы ободритов и велетов-вильцев с территории современной Северной Германии. С ободритами связывается суковско-дзедзицкая и менкендорфская керамика, которая обнаружена на Труворовом городище, Рюриковом городище, в Старой Ладого, Новгороде и Городке на Ловати. Фельдбергская керамика связывается с вильцами и ранами и встречается с середины VIII в. в Старой Ладого, в древних слоях Новгорода, Рюрикова городища и Городка на Ловати. Фрезендорфская керамика характерна именно для жителей Рюгена и подвластных ему земель и обнаружена в нижних слоях Новгорода, на Рюриковом городище, в Которском поселении и Городке на Ловати⁴⁴. Пока не проведено тщательного сравнения всех археологических находок, детальную картину расселения западных славян на северо-востоке Европы создавать преждевременно.

Помочь в этом может топонимика, поскольку связанные с вильцами-волотами-веле-тами названия достаточно часто встречаются на территории Руси, особенно в северной ее части. Из гидронимии мы видим две реки Велетми, впадающие в Оку, однако большинство

карпологическим данным). II: середина I тысячелетия от Р. Х. – середина IX в. // Вестник СПбГУ. Сер. 7. 2007. Вып. 3. С. 57.

⁴¹ Константинова Т. А. Погребенные почвы средневековых археологических памятников Нижнего Поволжья // Материалы по изучению русских почв. Вып. 6 (33). СПб., 2009. С. 72.

⁴² Там же. С. 70.

⁴³ Рыбина Е. А. Новгород в системе балтийских связей // Славянский средневековый город. Вып. 2. М., 1997. С. 328.

⁴⁴ Молчанова А. А. Балтийские славяне и Северо-Западная Русь в раннем Средневековье. Диссертация... канд. ист. наук. М., 2007. С. 106-112, 160.

подобных названий рек наблюдаются вдоль древнего торгового пути «из варяг в греки»: «От Днепра же реки до реки по суку, потомуже Волоку именуется и лес Волоковской. Рекою же Волотию вните в Ильмен озеро...»⁴⁵ В Верхнем Поднепровье есть р. Велетовка, правый приток Устромы, и р. Волотынь (Волотыня), левый приток Рамусухи. Подчас интересующий нас гидроним встречается в окружении однокорневых названий: «...деревня Волотовка Струнской волости, там же деревня Волотовное, Волотовнев и река Волотовка, приток Оболи, по которой шел путь “из варяг в греки”...»⁴⁶. Помимо рек, это название прилагалось и к отдельным населенным пунктам. Близ Новгорода оно упоминается в летописи под 1352 г. в связи с возведением там храма: «Того же л#та постави владыка Моиси церковь камену въ имя святыя богородицы Успение на Волотов#»⁴⁷. Там же, на Волотовом поле близ Волхова, в курганах, по более позднему преданию, были захоронены новгородские богатыри и правители, в том числе и легендарный Гостомысл. Это чрезвычайно устойчивое предание бытовало в Новгороде еще в XIX в., когда любознательный архимандрит Макарий записал следующее объяснение данного названия: «Причина, почему Успенская церковь зовется на Волотове, заключается в том, что... язычники погребали здесь своих князей и богатырей. Доселе указывают к юго-востоку саженьях в 20-ти от церкви на холме, насыпанный над могилою князя славного Гостомысла будто бы пригоршнями новгородцев, чтивших память своего любимого старейшины...»⁴⁸ Об этом же существовала запись и в летописце Николо-Дворицкого собора: «Егда сей умре, тогда проводиша его честно всем Великим Новым градомъ до места, нарицаемно Волотово, и ту погребоша его»⁴⁹. Макарий отмечает, что когда в 1821 г. З. Я. Ходаковский раскопал могилу Гостомысла, то там были найдены челюсти двух лошадей, двух собак, два неизвестных зверька, птичья голова, несколько пар птичьих ног, часть ребра и угли. Аналогичные находки встречаются и в других новгородских сопках. Город Волот в Новгородской области до сих пор носит это название, менее значительные населенные пункты называются Волотово, Велетов, Волотя, Велетя и т. д. В писцовых книгах XV в. упоминается д. Волотова Гора в Деревской пятине и Волотово – в Шелонской⁵⁰. Следует отметить, что в духовном стихе о «Голубиной книге», восходящем к западнославянскому сакральному тексту о происхождении Вселенной и человеческого общества, одним из главных действующих лиц выступает царь Волотоман.

Согласно мекленбургским генеалогиям полумифическим родоначальником ободритских князей был Антюрий. Обобщивший их родовые предания в 1753 г. С. Бухгольц отмечал, что наследником Антюрия в Мекленбурге стал его сын Аттакас, а другие его сыновья отправились в Финляндию⁵¹. Поскольку С. Бухгольц не говорил, что мекленбургские правители управляли этой далекой заморской страной, данная констатация несколько не способствовала величию мекленбургского дома, но зато допускала существование его каких-то боковых ветвей. Следует также иметь в виду, что тогда Финляндией могли называть не только современную одноименную страну, но и все земли, населенные финно-уграми, т. е. территорию современной Эстонии, Северной Латвии и Северной Руси. Таким образом, предания потомков ободритских князей отмечают, что часть их активности в самый ранний период была обращена и на прилегающие к Балтийскому морю земли финно-угров. Как отмечает

⁴⁵ Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878. С. 52.

⁴⁶ Веселовский А. Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском // ИОРЯС. 1906. Т. 11. Кн. 3. С. 16.

⁴⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. – Л., 1950. С. 362.

⁴⁸ Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М., 1860. С. 567-568.

⁴⁹ Там же. С. 568.

⁵⁰ Марков А. В. Повесть о Волоте и ее отношении к Повести о св. граде Иерусалиме и к стиху о Голубиной книге // ИОРЯС. 1913. Т. 18. Кн. 1. С. 58.

⁵¹ Buchholtz S. Versuch in der Geschichte Herzogthums Mecklenburg, Rostock, 1753. S. 35-39.

И. Херрман, в VII-IX вв. в землях балтийских славян происходил беспрецедентный экономический подъем, приведший к многократному росту производительных сил и численности населения. Для некоторых областей рост сельскохозяйственного производства в этот период исчисляется четырех-шестикратным увеличением. Как в случае с античной Грецией, вполне возможно, что избыток населения отправлялся в далекие заморские страны.

Однако вскоре к переселению на восток представителей западнославянских племен стали побуждать уже внешние обстоятельства. Раскопки показали, что столица ободритов Велиград занимала площадь 180×140 м, обнесенную валом высотой до 8,6 м. Нижний горизонт культурного слоя, в котором доминирует суковско-дзедзицкая керамика, датируется 620-680 гг. Древнейший вал был возведен в первой четверти VII в., а разрушен уже в 680 г.⁵² Несмотря на это, Велиград становится крупным ремесленно-торговым городом, играющим заметную роль в истории региона до XIII в. Немаловажным фактором, обуславливавшим переселение западных славян на восток, было давление сначала со стороны франкского, а затем и германского государств. Самый первый поход франков на восток состоялся в 738 г. при Карле Мартелле, однако о нем сообщают только «Мецские анналы». При завоевании саксов, учреждая в их землях Верденское епископство в 786 г., Карл Великий заблаговременно включил в его пределы земли всех ободритов и части велетов до р. Пены. Поскольку в те времена религиозная и политическая экспансия были взаимосвязаны, это показывает, что относительно славян у франкского короля имелись далекоидущие планы. О походе Карла Великого против вильцев в 789 г. сообщает целый ряд источников, и его достоверность сомнений не вызывает. В результате его Драговит, главный из правителей велетов, дал Карлу заложников и присягнул ему в верности.

Ободриты выступают союзниками этого императора, но в силу этого им приходится вести войну с саксами, датчанами и велетами. Под 808 г. «Франкские анналы» сообщают о «давнишней вражде с ободритами» велетов, чем не приминули воспользоваться западные соседи славян. Результатом похода датского короля Годофрида на ободритов в том же году, в котором ему помогала часть велетов, стало не только разорение Ререка и смерть Готлиба, но и то, что две трети ободритской земли обязалось платить дань данам. К ободритско-велетской вражде добавлялись разногласия и внутри самого ободритского союза. Как отмечают В. К. Ронин и Б. Н. Флоря, в 808 г. при датском нападении князь ободритов, «не полагаясь на верность соотечественников», бежал из страны, а в 817-826 гг. ободритские князья столкнулись с сильной оппозицией части знати, интриговавшей против них при франкском дворе. При Людовике Благочестивом был взят в плен верховный князь ободритов Славомир, вздумавший ослушаться указания нового императора. После распада империи Карла Великого инициатива переходит к германскому королевству. Борьба западных славян с немцами была неравной: численность населения Германии к концу IX в. специалисты оценивают в 4 млн человек, и, что самое главное, она обладала гораздо большей централизацией по сравнению с враждующими друг с другом племенными союзами ободритов и велетов. Когда же эта вражда на время прекращалась, западным славянам удавалось отстаивать свою независимость. В 836 или 837 г. ободриты и велеты, вступив между собой в союз, отказались повиноваться Германии. В 844 г. Людовик Немецкий начинает реализацию плана по покорению ободритов и убивает их старшего князя Гостомысла. После этого другие славянские правители покорились, но вновь восстали, как только Людовик покинул их земли. В 858 г. Людовик вновь нападает на ободритов. В 862 г. последовал новый поход Людовика на ободритского князя Добомысла, который якобы покорился и дал в заложники даже собственного сына. В 928 г. Генрих Птицелов начинает активное наступление на славян. Его продолжает новый король Оттон I, и в конечном итоге после 929 г. все славянские земли вплоть до Одера

⁵² Седов В. В. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 334.

были покорены немцами. Однако результаты первого этапа «дранг нах остен» были непрочными, и после восстания 983 г. немцы были изгнаны со славянских земель. Но за первым этапом последовал второй. Очевидно, что, спасаясь от порабощения, часть западнославянского населения уходила на восток по уже проложенным торговым путям на север Восточной Европы, в которую выходцы из их среды проникли еще несколькими столетиями ранее.

Некоторые наблюдения позволяют предположить, что переселение на восток в некоторых случаях происходило в организованном порядке. Ладожское Поволховье первоначально представляло собой самостоятельную поселенческую область-волость, протянувшуюся на 65 км вдоль р. Волхов. По мнению А. Н. Кирпичникова, заселение всей этой достаточно большой территории могло происходить одновременно: «Расположение поселений во многом было обусловлено находившимися здесь гостинопольскими и пчевскими порогами и необходимостью устройства “волоковых” станций, обслуживавших транспортное судоходство. Особенно интенсивно было освоено береговое пространство протяженностью от селения Старые Дубовики до д. Велеши. Примерно в середине этой полосы и помещалась Ладога с окрестными выселками. Возможно, что раннесредневековые поселения данного района возникли одновременно, образуя своеобразную приречную агломерацию. При этом сама Ладога являлась, вероятнее всего, административным, религиозным и территориальным центром округа»⁵³. Однако, если освоение славянами этой области происходило действительно одновременно, да еще с упором не на земледелие, а на транспортное судоходство, это предполагает организацию переселенческого процесса. С открытием Любшанской крепости стало ясно, что именно она, а отнюдь не лишенная долгое время укреплений Ладога была административно-политическим центром данной волости. Поскольку само расположение поселений в этом регионе было обусловлено необходимостью устройства там волоков, следует вспомнить вывод О. Н. Трубачева об их названиях в Восточной Европе: «Самую важную информацию представляет *русский характер номенклатуры волоков*, полное отсутствие скандинавского языкового вклада в эту номенклатуру...»⁵⁴ Следы балтского влияния на эту номенклатуру также отсутствуют, но зато подобные волоки зафиксированы у западных славян.

Впоследствии центр власти смещается из Ладоги в Новгород, но и там мы видим следы разностороннего западнославянского влияния. Уже само название Новгорода, т. е. *нового* города, указывает на его преемственность к какому-то старому городу. В самой Новгородской земле мы видим Старую Руссу, Старую Ладогу, однако, во-первых, их определения как «старых» фиксируются в документах гораздо позднее первого упоминания Новгорода, и, во-вторых, старыми они оказываются не относительно города на Волхове, а относительно перенесенных на новое место городов с аналогичными названиями – Руссы и Новой Ладоги. В силу этого естественной оппозицией Новгороду оказывается Старград западнославянского племени вагров. Немецкий хронист Гельмольд сообщает о нем следующее: «Альденбург – это то же, что на славянском языке Старгард, то есть старый город. Расположенный, как говорят, в земле вагров, в западной части [побережья] Балтийского моря, он является пределом Славии. Этот город, или провинция, был некогда населен храбрейшими мужами, так как, находясь во главе Славии, имел соседями народы данов и саксов, и [всегда] все воины или сам первым начинал или принимал их на себя со стороны других, их начинавших. Говорят, в нем иногда бывали такие князья, которые простирали свое господство на [земли] бодричей, хижан и тех, которые живут еще дальше»⁵⁵. Хоть этот город и находится на противополож-

⁵³ Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (Итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 5.

⁵⁴ Трубачев О. Н. В поисках единства. М., 1997. С.157.

⁵⁵ Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 53-54.

ной стороне Балтийского моря, однако выше были показаны тесные и древние связи между западными славянами на территории современной Германии и северной частью будущего восточнославянского мира. Следует подчеркнуть, что у живших на территории современной Германии западных славян нет Новгорода, а у восточных славян – Старграда. Недалеко от Старграда мы видим одно чрезвычайно любопытное название Новостарграда, города, входившего в венецкую треть Ганзейского союза⁵⁶. Хотя данный город и был новым по отношению к Старграду, однако он получает название не собственно Новгорода, что было бы наиболее естественно, а именно Новостарграда. Разумеется, нельзя однозначно утверждать, что западные славяне знали, что новым городом по отношению к их Старграду уже является восточнославянский Новгород, и в силу этого дали еще одному новому городу подобное необычное имя, однако именно такое объяснение является наиболее правдоподобным.

Впоследствии недалеко от Старграда был основан Любек, земли вокруг которого средневековые источники называют Русью, что не только указывает на тесные связи обоих регионов, но и недвусмысленно свидетельствует о том, где же находилась упомянутая в ПВЛ Варяжская Русь. Так, в грамоте любекского епископа Петра 1373 г. говорится: «Поелику Богом нам вверенная Любецкая Церковь, которая прежде имела резиденцию в России (Russia), и оттуда язычниками и неверными изгнана и жестоко преследуема от древних времен...»⁵⁷ В еще одном документе 1358 г. город Любек также был помещен «в Руссии»⁵⁸. В написанном на Руси в XVI в. одном из списков «Хождения на Флорентийский собор» отмечалось, что когда митрополит Исидор со свитой плыл в 1438 г. из Риги в Любек на корабле, то «кони митрополичичи гнали берегом от Риги к Любеку на Рускую землю»⁵⁹. Тот факт, что как немецкие, так и русские источники независимо друг от друга называют Любек Русской землей, свидетельствует о том, что близлежащая территория в старину действительно называлась Русью и память об этом сохранялась до XIV-XVI вв. Данные топонимики подтверждают характеристику письменных источников Любека как города, находящегося в Русской земле. В окрестностях Ольденбурга, древнего славянского Старграда, находящегося недалеко от Любека, мы видим Rossee, Rosenhuf и Roge, а неподалеку от Любека помимо Pagina до сих пор сохранились названия Rosenhagen, Rüschenbeck, Dassow и Dassower see⁶⁰. Последние два названия следует сопоставить с «Дажьбожьим внуком», которым в «Слове о полку Игореве» назван русский народ. Кроме того, в исследовании «Богини славянского мира» было показано, что в обоих городах в языческий период существовало не фиксируемое больше нигде в славянском мире сочетание культов богини – покровительницы города и Перуна в его окрестностях. Совокупность всех этих данных приводит нас к выводу, что отечественный Новгород получил свое название «нового города» именно по отношению к Старграду, главному городу вагров.

Отмеченные две волны славянской колонизации отразились и в названиях новгородских улиц: «Имена улиц интересны и в другом отношении – среди них имеются как южноднепровские, связываемые нами со словенцами, так и балтийско-славянские (типа Редята, Людогост, Янева), и это вновь говорит о двух контингентах славян, образовавших население Новгорода»⁶¹. Влияние последних хорошо прослеживается в Новгороде и в гораздо более

⁵⁶ Фортинский Ф. Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г. Киев, 1877. С. 3.

⁵⁷ Морошкин Ф. Л. Историко-критические исследования о руссах и славянах. СПб., 1842. С. 27.

⁵⁸ Кузьмин А. Г. Сведения иностранных источников о Руси и ругах // Откуда есть пошла Русская земля. Т. 1. М., 1986. С. 681.

⁵⁹ Казакова Н. А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // Труды отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). Т. XXV. 1970. С. 65, примеч. 14.

⁶⁰ Карта Mecklenburg-Vorpommern, изд. Marco Polo, масштаб 1: 200 000.

⁶¹ Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX-XV вв. // СА. 1974. № 3. С. 102.

поздний период, причем в связи не с чем-нибудь, а с возведением оборонных сооружений Детинца – сердца города: «В Новгороде следы культуры балтийских славян известны и в археологических материалах: так, конструкция вала 1116 г. в Детинце, раскопанная недавно, имеет точные аналогии только у балтийских славян и совершенно неизвестна на Днестре. <...> Заметим, что речь идет именно о балтийско-славянском контингенте новгородского населения, а не о заимствовании новгородцами у балтийских славян отмеченной специфики своей культуры в процессе торговых или политических связей, что представляется невероятным»⁶². Археологические исследования показали, что они же принимали участие и в укреплении более раннего Новгородского детинца: «С полабскими славянами связана по своему происхождению и конструкция кремлевского вала 1116 г. и самая существенная деталь городского вала 1045 г. – “курицы”»⁶³. Отмечая западнославянские-новгородские параллели как в методике строительства мостовых, так и в устойчивости самой поселенческой системы, А. А. Молчанова констатирует: «Единственным истоком славянской городской культуры Северо-Запада могут быть славянские города Балтийского побережья»⁶⁴. Присутствует это влияние и в ремесле, игравшем заметную роль в жизни города. Металлографический анализ новгородских изделий из цветных металлов X-XI вв., проведенный А. А. Коноваловым, показал, что они тождественны подобным южнобалтийским изделиям⁶⁵. А. В. Курбатов отмечает, что еще одним аргументом, подтверждающим переселение на северо-запад будущей Руси групп южнобалтийского населения, является и археологический комплекс изделий кожевенного ремесла⁶⁶. В целом, как констатирует Е. А. Рыбина, «факты позволяют с большой степенью вероятности говорить о заселении Новгородской земли и о формировании населения самого Новгорода не с юга (из Приднепровья), как считалось ранее, а главным образом с южного побережья Балтики, из области расселения западных славян»⁶⁷.

Однако с западного побережья Варяжского моря на восток перемещалось не только население. Не менее важен был процесс переноса социальных и религиозных структур общества. Выше уже говорилось о соответствии между собой языческих верований жителей Старграда и Новгорода. О мощном западнославянском влиянии говорит не только особенности строительства центра города, но и сама внутренняя городская структура Новгорода. Помимо него она встречается лишь в некоторых других городах, в связи с чем В. Л. Янин и М. Х. Алешковский делают следующий вывод о ее происхождении: «Между прочим, кончанские организации также восходят, как предположил А. В. Арциховский, к балтийским славянам, у которых имелись общественные здания континты – центры отдельных частей города. Концы прослеживаются и в Пскове, Руссе, Ладоге, Кореле, Ростове, Смоленске, однако сомнительно, чтобы они были и в других городах Древней Руси»⁶⁸.

К этому необходимо добавить и чрезвычайно точное соответствие основополагающих социальных структур на Рюгене и в Древней Руси. Только у балтийских славян и восточноевропейских русов сложилось жреческое сословие, занимавшее доминирующее положение в обществе. Ибн Руст так описывает положение дел у русов: «У них – знахари, они господствуют над их царем, подобно хозяевам, они приказывают им приносить в жертву

⁶² Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 50.

⁶³ Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е. О датировке вала и рва Новгородского острога // СА. 1970. № 4. С. 71.

⁶⁴ Молчанова А. А. Балтийские славяне и Северо-Западная Русь в раннем Средневековье. Диссертация... канд. ист. наук. М., 2007. С. 186.

⁶⁵ Коновалов А. А. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X-XV вв. Автореферат... канд. диссерт. М., 1974.

⁶⁶ Курбатов А. В. Связи Поволховья с регионами Балтийского моря в VII-XI вв. по материалам кожевенного ремесла // Ладога и Ладжская земля в эпоху Средневековья. Вып. 2. 2006. С. 68-69.

⁶⁷ Рыбина Е. А. Новгород в системе балтийских связей // Славянский средневековый город. Вып. 2. М., 1997. С. 327.

⁶⁸ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 56.

создателю то, что они пожелают из женщин, мужчин, табунов лошадей; если прикажут знахари, никому не избежать совершения их приказа: захватывает знахарь то ли человека, то ли домашнее животное, набрасывает веревку на шею и вешает на дерево, пока не утечет дух его; они говорят, что это жертва богу»⁶⁹. С другой стороны, Гельмольд следующим образом характеризует соотношение светской и духовной власти у славянского населения Рюгена: «Король же находится у них в меньшем по сравнению с жрецом почете. Ибо тот тщательно разведывает ответы (божества) и толкует узнаваемое в гаданиях. Он от указаний гадания, а король и народ от его указаний зависят»⁷⁰. Окончательно же делает тождественными обе картины указание хрониста на то, что ране приносили жертвы богам не только христианами, но и домашними животными: «Когда жрец, по указанию гаданий, объявляет празднества в честь богов, собираются мужи и женщины с детьми и приносят богам своим жертвы волами и овцами, а многие и людьми-христианами...»⁷¹ Итак, у русов и у ранов мы видим абсолютно одинаковое положение дел: политеократический стиль правления, когда жрецы господствуют над светской властью, беспрепятственный выбор ими любых жертв с помощью гадания, типичные жертвы – домашние животные и люди.

Необходимо отметить, что из всех крупных центров Руси только в Новгороде местному жречеству удалось организовать и возглавить упорное всенародное сопротивление насильственному насаждению чуждой религии. Лишь спалив город, Добрыня сумел принудить новгородцев принять христианство, что представляет собой разительный контраст его водворению в Киеве, где о каком-либо противодействии волхвов вовсе не упоминается, а местное население безропотно позволило загнать себя в реку. Достоверность сообщаемой об этом Иоакимовской летописи подкрепляется данными археологических раскопок в Новгороде, что позволяет с доверием отнестись к такой содержащейся в ней подробности, как характеристика Соловья-Богомила как «высший же над жрецы славян». Указание на столь высокий ранг человека, возглавившего борьбу новгородцев за родную веру, однозначно предполагает существование в северной столице Руси какой-то жреческой иерархии. О чрезвычайной мощи новгородских волхвов свидетельствуют и события после крещения. В 1071 г. они поднимают восстание в северной столице Руси, которое удалось подавить лишь после вероломного убийства волхва самим князем Глебом. В 1227 г. летопись сообщает о сожжении четырех волхвов. Следует подчеркнуть, что трехкратных выступлений волхвов летописи не фиксируют больше ни в одном русском городе. Понятно, что просуществовать почти четверть тысячелетия в обстановке непрекращающегося морального и физического террора со стороны восторжествовавшего христианства, да при этом еще передавать свои знания следующим поколениям новгородские волхвы могли лишь при условии, что их сословная организация сложилась и окрепла до 988 г.

В. Л. Янин и М. Х. Алешковский совершенно справедливо отмечают, что характер общественных сил, которым был обязан Новгород своим возникновением, неизбежно должен был проявиться в принадлежности первоначального Детинца, находившегося в самом сердце города. Именно с помощью этого замка, главенствующего над всем благодаря своему центральному положению, эти силы и осуществляли контроль за северной столицей Руси. Как показывают археологические данные, самый ранний Новгородский детинец находился на территории возведенных позднее Софийского собора и примыкавших к нему построек епископского двора. На основании этого исследователи делают следующий вывод: «Самый декорум христианизации повсеместно на Руси включал в себя идею торжества над поверженным язычеством и требовал освящения древних капищ сооружением на их месте

⁶⁹ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2. С. 96.

⁷⁰ Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 237.

⁷¹ Там же. С. 129.

церквей. Так было и в Новгороде, где на месте языческих капищ Велеса и Перуна были сооружены храмы Власия, Илии Пророка и Рождества Богородицы. Нужно полагать, что и Софийский собор физически сменил главное языческое капище Новгорода. В таком случае непосредственным предшественником епископского двора на территории первоначальной крепости окажется языческое жречество»⁷². Ее конструктивные особенности остались нам неизвестны, но, как уже отмечалось выше, укрепления Детинца в 1045 и 1116 гг. возводили именно западные славяне. Вместе с племенной знатью, трансформировавшейся позднее в городское боярство, волхвы изначально руководили политической жизнью Новгорода. «Владыка, видимо, заменил своих предшественников, языческих жрецов. <...> Вече, по всей видимости, было связано с языческим жречеством, с культом Перуна, с его капищем. Поэтому когда капище было уничтожено, а идол Перуна сброшен в Волхов, то на его месте появился деревянный Софийский собор с небольшим поначалу владычным двором. Теперь вече стало собираться не у капища, а у Софии и под эгидой не жрецов, а владыки»⁷³. После крещения в 988 г. конкретные носители духовной власти были заменены, но сама изначальная политическая структура осталась. Именно этим и следует объяснить как перманентную слабость в Новгороде княжеской власти, так и огромный политический вес местного архиепископа, не имеющий аналогов в других русских городах.

С учетом того, что значительная часть новгородских словен пришла на свою новую родину с запада, поддерживала постоянные контакты с полабскими славянами, на территории которых находились самые почитаемые языческие святилища славянского Поморья, и того, что лишь в этих двух областях всего славянского мира сложилось могущественное жреческое сословие, практически одинаково описываемое западными и восточными авторами, мы можем предположить, что и сама жреческая организация вместе с соответствующим кругом религиозных представлений была также принесена от западных славян на берега Волхова в уже готовом виде. Как было показано в исследовании о «Голубиной книге», это священное сказание русского народа также несет на себе следы западнославянского влияния⁷⁴.

Помимо приоритета духовной власти над светской характер последней также оказывается тождественным у обоих народов. Саксон Грамматик пишет, что во время одной битвы «двое славян бросились в лодку и искали спасения от неприятеля; за ними пустился в погоню Яромир, государь ранский, и пронзил одного из них копьем; другой обернулся и хотел отомстить за товарища; но увидав, что поднимает руку на ранского царя, благоговейно отбросил копье в сторону и пал ниц»⁷⁵. Как видим, даже угроза неминуемой смерти не могла заставить славянина преступить свой долг повиновения правителю ранов, носивший, судя по благоговейному поведению воина, не только политический, но и религиозный характер. Однако весьма похожая ситуация наблюдалась в Древней Руси в языческую эпоху. Автор Худуд ал-Алам так характеризовал положение дел у восточных славян: «Послушание (главе славян) является обязательным, согласно религии»⁷⁶. Рюрик не попал в поле зрения восточных авторов, но уже его сына Игоря со слов русских купцов мусульманский автор Ахмед ибн Фадлан описывал так: «Из обычаев русского царя есть то, что во дворце с ним находится четыреста человек из храбрых сподвижников его... Эти четыреста человек сидят под его престолом; престол же его велик и украшен драгоценными камнями. На престоле с ним сидят сорок девушек (назначенных) для его постели, и иногда он сочетается с одной из них в присутствии упомянутых сподвижников. Он же не сходит с престола, а если желает отпра-

⁷² Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 38.

⁷³ Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е. О датировке вала и рва Новгородского острога // СА. 1970. № 4. С. 71.

⁷⁴ Серяков М. Л. «Голубиная книга» – священное сказание русского народа. М., 2012.

⁷⁵ Гильфердинг А. Собрание сочинений. Т. 4. История балтийских славян. СПб., 1874. С. 86.

⁷⁶ Заходер Б. Н. Каспийский свод... Т. 2. С. 145.

вить свои нужды, то отправляет в таз. Когда он желает ездить верхом, то приводят его лошадь к престолу и оттуда садится на нее; а когда желает слезть, то приводят лошадь так, что слезает на престол»⁷⁷. Черпавший информацию из какого-то независимого источника Мухаммед ибн Ахмед ибн Ийаса ал-Ханафи сходным образом характеризует правителя Древнерусского государства: «Есть у них царь, сидящий на золотом троне. Окружают его сорок невольниц с золотыми и серебряными кадилами в руках и окуривают его благовонными парами»⁷⁸. Из этих свидетельств перед нами вырисовывается ритуальная сакрализованная фигура верховного правителя Древнерусского государства, который ни под каким предлогом не ступает на землю ни при отправлении нужд, ни при совокуплении, ни при езде верхом, который почти все время сидит на золотом троне, окуриваемый благовониями, и послушание которому составляет не только политический, но и религиозный долг его подданных. Весьма показательным является то, что как ранне-русы занимали главенствующее положение среди западнославянских племен, так и киевские русы занимали точно такое же положение среди славян восточных. В то время как первые собирали дань со всего славянского Поморья натурой, в первую очередь продуктами питания, вторые регулярно обходили подвластные им земли полюдем, точно так же собирая дань натуральными товарами. Таким образом, с запада на восток не просто переселялось население, сохранявшее особенности своего языка и свои производственные навыки, а переносились социально-политические и религиозные структуры общества, обеспечивающие сохранение устройства Варажской Руси на новом месте.

Вероятно присутствие в регионе и балтов. *Так, например, погребение с оружием в кургане 45 могильника Доложский Погост Ижорского региона, датированном V в., М. М. Казанский сопоставляет с литовскими*⁷⁹. На присутствие балтов указывает и название Прусской улицы в Новгороде. Точно так же вероятно присутствие на севере Восточной Европы и скандинавов, хоть их численность и влияние на происходившие в регионе события были неизмеримо преувеличены норманистами. Чтобы разобраться в этом более чем спорном вопросе, обратимся к конкретным фактам. На основании трех вещей из раннего слоя Ладоги, интерпретируемых им как скандинавские, Г. С. Лебедев радостно заключает: «Эти находки свидетельствуют, что скандинавы входили в состав постоянного населения Ладоги с момента возникновения открытого торгово-ремесленного поселения около 750 г.»⁸⁰. Однако А. Н. Кирпичников, точно так же исходивший из норманистских догм, гораздо более осторожно трактует эти артефакты: «В этом плане важнейшее значение приобретает находка Рябининым в предматериковом слое Земляного городища остатков кузнечно-слесарной и ювелирной мастерской... Размеры и устройство мастерской предполагают работу в ней одного ремесленника-универсала и, может быть, одного подмастерья. Владелец мастерской, возможно, бродячий ремесленник, привез в Ладогу уже готовый набор инструментов. Его происхождение указывает на Северную Европу, впрочем, не обязательно Скандинавию»⁸¹. В результате в коллективной статье в соавторстве с другими отечественными норманистами все тот же Г. С. Лебедев был вынужден по-другому расставить акценты: «В древнейших слоях Староладожского городища, относящихся к 750-830 гг. (горизонт E₃), встречены немногочисленные вещи северного облика. Появление первых норманнов в нижнем Повол-

⁷⁷ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 101.

⁷⁸ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 401-402.

⁷⁹ Казанский М. М. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. 1999. № 6. С. 409-411.

⁸⁰ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 211.

⁸¹ Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (Итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 19-20.

ховье в 840-850 гг. (горизонт E₂) выдают некоторые культовые вещи, которые не могли быть предметом торговли. . .»⁸² Таким образом, время появления первых норманнов в Ладоге оказалось почти на сто лет более поздним по сравнению с тем, которое было заявлено Г. С. Лебедевым в одиночку. Те скандинавские саги, которые упоминают о том, что Ярослав Мудрый отдал Ладогу в вено своей жене, шведской принцессе Ингигерд, не говорят при этом о том, что данный город до этого принадлежал скандинавам или хотя бы был ими населен. «Сага о Хальвдане Эйстейнссоне» не упоминает этого брака, но приписывает захват Ладоги норвежскому конунгу Эйстейну, якобы правившему ею во времена Харальда Прекрасноволосого, умершего около 940 г. Нечего и говорить, что в это время Ладога находилась под властью Рюрика, а затем и его преемников, и ни о каком ее захвате Эйстейном говорить не приходится – все это откровенная выдумка создателя этой саги, датируемой не ранее середины XIV в.

Тенденциозно толкуя летописное сказание о призвании варягов в 862 г., туземные норманисты постарались подыскать ему в Ладоге археологическое соответствие: «Впервые в низовьях Волхова появляется немногочисленная группа постоянных скандинавских поселенцев, – двор конунга, его стража. В урочище Плакун близ Ладоги сохранилось обособленное кладбище норманнских пришельцев, существовавшее в 850-925 гг. Заупокойные дары этих комплексов свидетельствуют, что погребенные здесь люди не отличались особой знатностью»⁸³. Всего в урочище зафиксировано восемнадцать весьма невыразительных насыпей, высота которых редко достигала даже 0,5 м⁸⁴. Для сравнения отметим, что даже сейчас высота знаменитой «Олеговой могилы» составляет около 10 м, а первоначальная ее высота оценивается приблизительно в 14 м. Когда пятнадцать насыпей было изучено, оказалось, что в пяти насыпях погребений вообще не было, а одно содержало женское трупосожжение⁸⁵.

Следует отметить, что отнесение всех могильников из урочища Плакун к скандинавам отнюдь не так однозначно, как это хотелось бы норманистам. А. Пауль по этому поводу отмечает: «Основания для определения скандинавской этнической принадлежности захороненных там людей исследователи видят как в самом обычае захоронения в ладье, так и в найденных в них биконических бусинах и кувшине фризского типа. И если о том, что такой погребальный обычай не был исключительно скандинавским, но находит многочисленные параллели и у балтийских славян, уже было сказано выше, то аналогичное можно заметить и об импортных вещах. <...> Можно указать и на сходство остальных курганов плакунского могильника со славянскими курганами, найденными, к примеру, в Ральсвике на Рюгене. Плакунские курганы, выделенные В. А. Назаренко в четвертый, не содержащий “безусловных останков захоронений” тип, могли изначально быть курганами славянского ральсвикского типа “С2” с захоронениями на вершинах. Как уже указывалось, урну с прахом, помещаемую на вершину кургана, в большинстве случаев крайне сложно установить археологически – с течением столетий сосуд неизбежно падал и остатки его у подножия холма сохранялись лишь в редких случаях. Можно отметить и то, что “погребальный инвентарь, обнаруженный при раскопках в урочище Плакун, в сравнении со скандинавскими комплексами середины – второй половины X в., может быть признан немногочисленным, маловыразительным и довольно однообразным”, в этой своей особенности в то же время выказывает сходство с также нетипично малочисленным и невыразительным для Скандинавии инвентарем ральсвикских курганов на острове Рюген. В Ральсвике, как и в Гросс-Штрёмкендорфе,

⁸² Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX – XI вв.) // Scando-Slavica. Т. 24. 1978. С. 69.

⁸³ Там же. С.70

⁸⁴ Назаренко В. А. Могильник в урочище Плакун // <http://www.ladogamuseum.ru/litera/Nazarenko/pub114/>

⁸⁵ Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX-XIV веках. СПб., 2002. С. 122.

известна и порча оружия перед помещением его в могилу»⁸⁶. Все это говорит о том, данные из этого погребального комплекса еще нуждаются в дальнейшем всестороннем анализе. Согласно последним исследованиям другого археолога-норманиста К. А. Михайлова, само возникновение могильника в урочище Плакун относится к началу X в.⁸⁷ Таким образом, при ближайшем рассмотрении образ погребенной близ Ладоги скандинавской дружины конунга Рюрика исчезает, как мираж.

Еще менее обоснованными являются попытки норманистов на основании находок в других могилах одной или нескольких скандинавских либо приписываемых скандинавам вещей объявить подобные захоронения скандинавскими. В 1990 г. археолог И. В. Дубов констатировал: «Вскрыт единственный на Руси “чисто” скандинавский могильник в урочище Плакун...»⁸⁸ Как видим, по словам самих норманистов, на Руси мы имеем только *один-единственный* могильник, имеющий, по их мнению, свое точное соответствие в Скандинавии. И это было сказано в отношении достаточно спорного могильника в урочище Плакун. Скандинавская же принадлежность остальных с большей или меньшей вероятностью лишь предполагается туземными норманистами, которые к тому же сами путаются в своих предположениях и взаимно противоречат друг другу. О несостоятельности подобных предположений давно свидетельствовала и антропология: «Могильники Приладжья не дают сколько-нибудь весомого подтверждения их скандинавского происхождения, так как население, оставившее их, в антропологическом отношении оценивается как славянское и финское»⁸⁹.

Еще одним фактом, свидетельствующим о пребывании скандинавов в этом регионе, является серия черепов с кладбища на Земляном городище Старой Ладоги XI-XII вв. Хотя эти люди были погребены там примерно два столетия спустя после призвания варягов и, следовательно, никакого отношения к эпохе Рюрика не имели, норманисты неоднократно ссылались на него в качестве доказательства устойчивости связей Ладоги со Скандинавией. Так, например, сравнительно недавно Е. Н. Носов писал: «Крайне интересные материалы дал антропологический анализ погребённых из грунтового могильника XI-XII вв., раскопанного у церкви Климента в Ладоге. Из могильника происходит единственная на всей территории Руси значительная скандинавская антропологическая серия. Подавляющее большинство захоронений в нём составляли взрослые мужчины (89,7 % от количества взрослых). Кроме того, отмечено значительное число погребений детей и подростков, преимущественно мальчиков, но есть также и взрослые женщины. Всего определено 39 мужских и 5 женских черепов. Имеющийся материал говорит о том, что кладбище принадлежало группе, проживавшей в Ладоге постоянно»⁹⁰. С учетом того, что супруга Ярослава Мудрого Ингигерд привела с собой на Русь шведскую дружину, не было ничего невероятного в том, что какая-то часть пришельцев или их потомков была захоронена в Ладоге. В силу этого ладожская серия априори считалась скандинавской. Однако сравнительно недавно С. Л. Санкина, ища новые доказательства норманистской гипотезы, провела канонический анализ по сравнению древнерусских групп XI-XIV вв. с группами из Западной и Северной Европы. Совершенно неожиданно ближе всего к ладожской серии оказался антропологический материал VI-VIII вв. из Германии, а отнюдь не серии из всех трех скандинавских стран и Исландии

⁸⁶ Пауль А. Контакты балтийских славян с Северной и Северо-Восточной Европой в раннем Средневековье // Вестник ЛГПУ. Серия гуманитарные науки. 2014. Вып. 1. С. 118-119, 121.

⁸⁷ Михайлов К. А. Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии) // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 63-68.

⁸⁸ Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990. С. 4.

⁸⁹ Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. С. 265.

⁹⁰ Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменьи и Поволховье // Русь в IX-XI веках: археологическая панорама. М. – Вологда, 2012. С. 106-107.

(рис. 1). Сама исследовательница не придала значения этому результату, однако он наводит на мысль о западнославянских, а не скандинавских связях населения Ладоги XI-XII вв., поскольку увлечь за собою на восток какую-то группу из континентальной Германии могли, скорее всего, славяне, а не норманны.

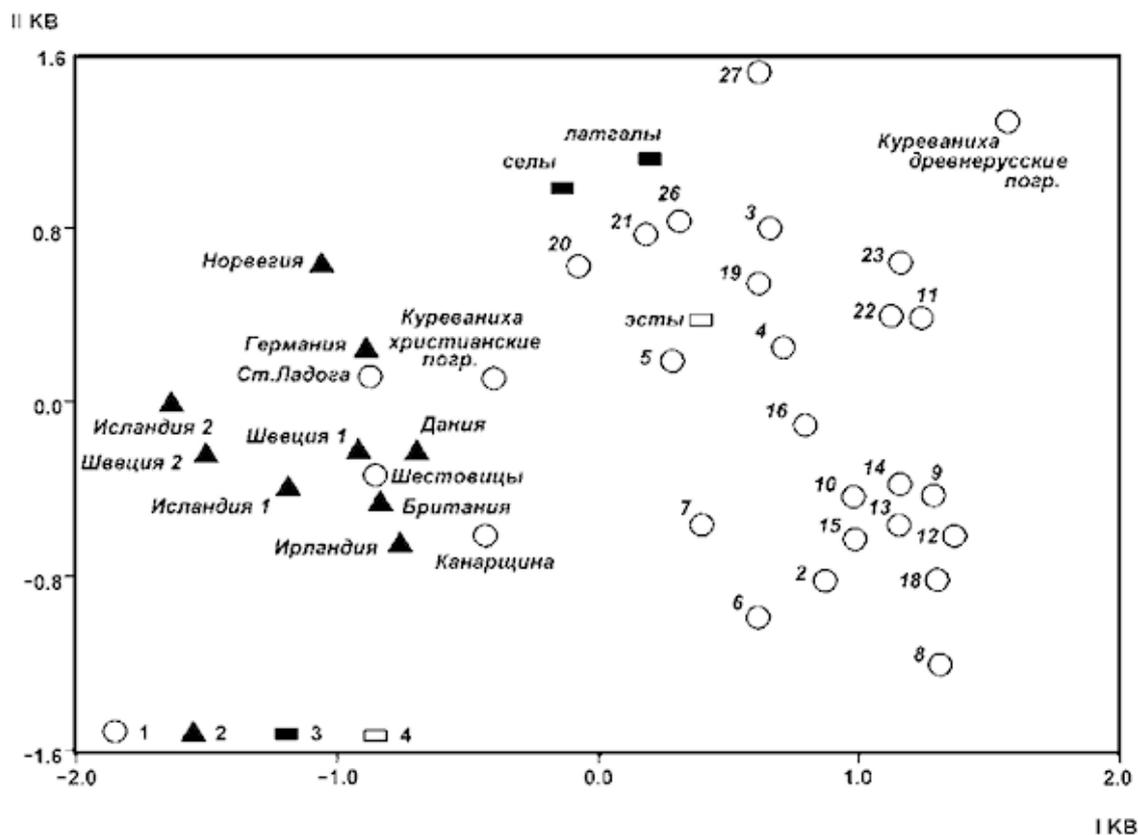

Рис. 1. Результаты проведенного С. Л. Санкиной канонического анализа по сравнению древнерусских групп XI-XIV вв. с группами из Западной и Северной Европы: 1 – сельские и городские группы Древней Руси; 2 – группы Западной и Северной Европы; 3 – балты; 4 – финны. Источник: Санкина С. Л. Новые материалы к скандинавской проблеме: средневековые группы Ижорского плато

Кроме того, влияние похороненных как в урочище Плакун, так и на кладбище Земляного Городища Старой Ладоги людей на местных жителей было минимально. Т. И. Алексеева, считая последнюю серию скандинавской, отмечала, что «антропологические материалы свидетельствуют о пребывании норманнов в Старой Ладоге. Каково же их участие в сложении антропологического облика славянского населения Северо-Запада? Как уже было отмечено, тип населения из Приладожских курганов отличен от германского. Словене новгородские, так полно изученные В. В. Седовым, и полоцкие кривичи, изученные Г. Ф. Дебецом, также не дают основания относить их к кругу германских форм. И те и другие обнаруживают иной антропологический комплекс. Остается сделать заключение, что средневековые антропологические серии, подтверждая пребывание норманнов в северо-западной части Руси, не фиксируют здесь норманских черт в типе славянского населения, что говорит об очень незначительном числе норманнов и отсутствии интенсивного смешения их со славянами»⁹¹.

Поскольку норманисты долгие десятилетия делали все, чтобы представить Ладогу оплотом скандинавского влияния на севере Руси, обратимся к керамическому материалу,

⁹¹ Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. С. 266.

который, как отмечал в свое время А. В. Арциховский, в силу своей массовости является «надежнейшим этническим признаком» среди всех остальных археологических находок. Подводя итог исследованиям в этой области, Е. Н. Носов констатирует: «Весь комплекс лепной керамики Ладоги аналогичен комплексу лепной посуды поселений района истока Волхова и Поозерья. Тем самым подтверждается, что значительную часть ладожских жителей составляло то же население, которое обитало в конце I тыс. н. э. в самом центре Приильменья и оставило культуру сопки. Скандинавской лепной керамики в Ладоге нет, но несколько ребристых сосудов ладожского типа попали отсюда на Аландские острова и в центральную Швецию. Целый ряд находок свидетельствует о присутствии среди населения посёлка выходцев из Верхнего Поднепровья»⁹². С полным отсутствием скандинавской керамики в Ладоге контрастирует массовое присутствие там западнославянской керамики, на что уже давно обращали внимание некоторые исследователи: «Широко распространенные в древнейших жилых комплексах Ладоги и подробно описанные выше сосуды биконической формы с большим или меньшим изломом плечиков находят многочисленные аналогии в керамике раннеславянских памятников середины I тысячелетия н. э. на территории Западной Европы, как то: Германии, Поморья, Польши, Чехии и ряда других стран»⁹³. Более того: впоследствии в городе возникает особый тип керамики ладожского типа, причем именно шведские исследователи, отмечая редкость подобных находок в Бирке и отсутствие их в древностях вендельского периода у себя в стране, констатируют близость части ладожской керамики с лепной керамикой междуречья Эльбы и Одера⁹⁴.

Еще меньше скандинавских следов в Новгороде: «Рассказывая о раскопках Новгорода, Х. Арбман заметил, что скандинавского материала мало: овальная брошка X в. и несколько кольцевых брошек – это все, что указывает на контакты со скандинавами»⁹⁵. Обобщая результат раскопок в Новгороде, М. В. Седова точно так же констатирует: «Скандинавские изделия найдены в культурном слое города X–XI вв., но в небольшом количестве»⁹⁶. Достаточно показательны и данные, следующие из науки об именах: «В новгородских летописях из 800 имен лишь 19, или 2,4 %, – скандинавского происхождения, в грамотах Новгорода и Пскова из 3400 имен – 4, т. е. 0,1 %, – скандинавские...»⁹⁷ Однако автор ПВЛ в Сказании о призвании варягов совершенно четко отметил, что «новгородцы суть люди от рода варяжского, а прежде были словене». Повествуя об этом же событии, новгородские летописцы в данном предложении неизменно опускали тенденциозную оговорку южного летописца «а прежде были словене», оставляя утверждение о том, что жители родного города «суть люди от рода варяжского». Это показывает, что представление об особо тесной связи из всех восточных славян с варягами именно новгородцев представляет собой не вымысел автора Сказания, а убеждение, разделяемое и самими жителями Новгорода. В свете этой летописной констатации многочисленные свидетельства о западнославянских связях новгородцев на фоне мизерности скандинавского компонента в населении города говорят сами за себя. В расположенном поблизости от Новгорода Рюриковом городище было обнаружено большее количество скандинавских либо приписываемых скандинавам вещей. Причины их появления нами будут рассмотрены ниже, а пока отметим, что такие артефакты, как фибулы, ланце-

⁹² Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М. – Вологда, 2012. С. 104–105.

⁹³ Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги // СА. 1950. Вып. 14. С. 195.

⁹⁴ Плохов А. В. Керамика «ладожского типа» в Скандинавии // У истоков Новгородской земли. Любытино, 2002. С. 145, 151.

⁹⁵ Толочко П. П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев, 1990. С. 110.

⁹⁶ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X – XV вв.). М., 1981. С. 181.

⁹⁷ Паушто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 22.

товидные наконечники стрел или так называемые молоточки Тора, также не могут служить бесспорным этноопределяющим признаком, как это было показано мною в исследовании «Битва у Варяжских столпов».

В свете этого помимо керамики единственным надежным археологическим свидетельством пребывания скандинавов на севере Руси могут считаться артефакты с руническими надписями. Такие находки немногочисленны, но они есть. Найденный в Ладоге деревянный стержень с рунической надписью датируется первой половиной IX в., а обнаруженный там же медный амулет с рунической надписью был обнаружен в слое второй половины X в. Два металлических амулета с рунами, найденные на Рюриковом городище, датируются рубежом X-XI вв. С учетом того, что только в Швеции обнаружено 2300 рунических надписей, А. В. Арциховский отметил: «Исключительная редкость рун в России резко противоречит обилию их в Скандинавии. Огромные размеры советских раскопок особо подчеркивают эту редкость. Очевидно, проникновение скандинавов в Россию не было массовым». Таким образом, подчеркнул ученый, «гипотеза о массовой шведской колонизации не подтверждается ничем»⁹⁸. Приведенные данные показывают, что отдельные скандинавы присутствовали на севере Восточной Европе в эпоху, предшествовавшую призванию Рюрика, однако, как и в случае с балтами, их численность была невелика. Ни археология, ни антропология, ни лингвистика не подтверждают утверждений норманистов о том, что выходцы из Скандинавии оказывали какое-либо заметное влияние на происходившие в регионе события.

⁹⁸ Арциховский А. В. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 36-41.

Глава 2. Причины призвания

Следующим после славянской колонизации региона ключевым фактом его истории стало возникновение пути «из варяг в арабы», который сыграл огромную роль в развитии северной части Восточной Европы. Обычно возникновение Балтийско-Волжского пути определяется по древнейшему комплексу Старой Ладogi, основание которой датируется примерно 750 г. Последние исследования помогают установить более раннюю датировку: «Основание поселения может быть отнесено к 650-780 гг. с приближением к более ранней дате. <...> Весьма важным обстоятельством является обнаружение в основании культурного слоя погребенной почвы с признаками распашки, для которой были получены датировки порядка 500-700 лет н. э. Это предполагает существование земледельческого населения в этом районе в период, предшествовавший возникновению ремесленно-торгового поселения городского типа»⁹⁹. Однако появление торгово-ремесленного центра – это не освоение данного торгового пути, начало использования которого уловить крайне сложно, а переход к его интенсивному функционированию. Складывание Балтийско-Волжского пути, считал В. Б. Вилинбахов, следует связать с началом прилива восточного серебра в Европу в конце VI в., а уже в VII в. китайские источники упоминают о янтаре, привозимом в Поднебесную из Хорезма, куда он попадал, видимо, с берегов Балтики. Весьма показательным, что самое первое упоминание о янтаре в арабской литературе связывает его со славянами: «Янтарь это смола... происходящая от деревьев, растущих в стране славян, по берегам одной реки. Вся она (смола. – М. С.), которая падает с тех деревьев в воду, твердеет и плывет в море. (Потом. – М. С.) волны морские выбрасывают ее на берег»¹⁰⁰. Славяне в ту эпоху, за исключением прибалтийских вендов, не жили в районе месторождения янтара на Балтике, и тот факт, что мусульманские авторы считали, что этот минерал происходит из их страны, говорит о том, у кого именно они его покупали.

Однако вскоре происходит смена товарных приоритетов, и использовавший недошедший до нас труд ал-Балхи (20-30-е гг. X в.) географ ал-Истахри констатирует: «И то, что вывозится от них (хазар) из меда и воска, это то самое, что вывозится ими из страны русов и болгар, точно так же и шкуры бобра, которые везут во все концы света, – и их нет нигде, кроме тех рек, что в стране болгар, русов и Куйабы»¹⁰¹. Поскольку большинство других восточных авторов упоминало уже три центра русов, одним из которых был Куйаба-Киев, эта информация отражает более ранний период. Если эта же группа авторов называла ас-Славийю, в котором исследователи видят какое-то предшествовавшее Новгороду поселение, в качестве центра северной группы русов, то восходящий к ал-Балхи фрагмент описывает торговлю русов с булгарами и хазарами на Волге, но при этом не знает какого-либо города в качестве их центра. Если отождествление Е. Н. Носова ас-Славийи с уже существовавшим в середине IX в. Рюриковым городищем верно, то описанная ситуация может быть датирована в рамках VI – начала IX в.

Современные данные о динамике находок как отдельных куфических монет, так и целых кладов в Волховско-Ильменском регионе позволяют нам лучше оценить время возникновения торгового пути с Востоком и изменения уровня товарооборота. Так, в слоях VI-

⁹⁹ Александровский А. Л., Арсланов Х.А., Давыдова Н. Н., Долуханов П. М., Зайцева Г. И., Киртичников А. Н., Кузнецов Д. Д., Лавенто М., Лудикова А. В., Носов Е. Н., Савельева Л. А., Сапелко Т. В., Субетто Д. А. Новые данные относительно трансгрессии Ладожского озера, образования реки Невы и земледельческого освоения Северо-Запада России // Доклады РАН. 2009. Т. 424. № 5. С. 686.

¹⁰⁰ Вилинбахов В. Б. Балтийско-Волжский путь // СА. 1963. № 3. С. 127.

¹⁰¹ Новосельцев А. П., Пащутто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 403-404.

VII вв. было обнаружено 4 дирхема (0 кладов); 700-740-е гг. – 7 экз. (0 кладов); 750-760-е гг. – 1 экз. (0 кладов); 770-780-е гг. – 49 экз. (2 клада); 790-е гг. – 9 экз. (0 кладов); 800-824 гг. – 531 экз. (8 кладов); 825-849 гг. – 27 экз. (1 клад); 850-е гг. – 3 экз. (1 клад)¹⁰². Хотя начало возникновения эпизодических контактов с Востоком действительно восходит к концу VI-VII вв., однако окончание в 737 г. арабо-хазарской войны способствовало усилению этих связей. Уже после 723 г. на северном берегу Каспия основывается хазарская столица Итиль, а в 762 г. Аббасиды перенесут столицу из Дамаска в Багдад, где начинается массовая чеканка серебряной монеты. Об основании Ладоги до 750 г. уже говорилось выше. Еще ранее это предполагал А. Н. Кирпичников: «При этом не исключено, что возраст Ладоги может оказаться еще древнее, ведь при раскопках нам встречались предметы VI-VIII веков, что, конечно, не случайно и указывает на существование здесь поселенческой жизни до 753 года. Например, по изысканиям почвоведов Ладога могла возникнуть в VII веке и даже раньше. <...> Основателями города являлись представители славянских племен, по видимому, кривичей и словен новгородских, что подтверждается обильными этноопределяющими находками керамики, свинцово-оловянными украшениями, височными кольцами со спиральным завитком. Возможно, среди первых поселенцев могли быть представители скандинавов и финнов»¹⁰³. Археологи установили, что ранние жилища Ладоги возводились в сырой, заболоченной местности и устанавливались на подсыпку из грунта. Следовательно, выбор места для поселения определялся не удобствами проживания и нуждами сельского хозяйства, а его географическим положением. Исследователи отмечают там как достаточно ранние экземпляры восточного серебра, так и относительную быстроту их поступления в этот регион: «Новые наблюдения обрисовывают доминирующее положение Ладоги в сфере североευропейской серебряной и пушной торговли. На территории раннесредневековых ладожских поселений (Княщино, Ладожская каменная крепость, Ладожское земляное городище, Новые Дубовики) найдены клад и отдельные диргемы, соответственно чеканенные в 749-786, 738-739, 773 и 778, 746-747 гг., а одна монета 688-700 гг. Эти находки, даже с учетом их определенной случайности, одни из древнейших в Восточной Европе и свидетельствуют о начале международной торговли серебром в 70-80-е гг. VIII в. В свете ладожских находок эта дата может быть удревнена и будет охватывать примерно 60-е гг. VIII в. (если не несколько раньше). Приведу такой пример. Диапазон странствования монеты от места чеканки до места сокрытия клада или потери сокровища, судя по северорусским находкам, определялся разницей, не превышающей 14 лет. Для более раннего периода такой временной разрыв оказывается меньшим. Рябинин во время раскопок 1974 г. обнаружил в ладожской постройке, возведенной в 765-770 гг., полудрахму 768 г., а в сооружении, построенном в 775-780 гг., – полудрахму 783 г. Потребовалось, следовательно, несколько лет (в среднем от 3 до 8), чтобы монеты, выпущенные в Табаристане, оказались в домах Нижнего Поволжья. Как ни условен этот расчет, он свидетельствует об активности осуществлявшегося через Ладогу мирового товарооборота»¹⁰⁴.

Благодаря своему географическому положению Ладога стала крупнейшим центром на пути «из варяг в арабы» в Восточной Европе. Резкому увеличению количества арабского серебра в этом регионе в период 800-824 гг. соответствует расширение территории города. Начиная с 810-х гг. заметно увеличивается территория застройки и постройки появляются на левом берегу р. Ладожки¹⁰⁵. С этого же периода активизируется торговля с соседними

¹⁰² Петров И. В. Девятый этап обращения куфического дирхема и катастрофический спад финансовой активности на Волховско-Ильменском денежном рынке (880-890-е гг.) // Успехи современного естествознания. 2013. № 5. С. 41.

¹⁰³ Кирпичников А. Н. Первая столица Руси Старая Ладога // <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10604.php>

¹⁰⁴ Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (Итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 21-22.

¹⁰⁵ Петренко В. П. Раскоп на Варяжской улице // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 113-115.

финскими племенами. Только в двух постройках, исследованных Е. А. Рябининым, было найдено более 250 стеклянных изделий и более 160 изделий из янтаря и заготовок для них. В соседней нежилой постройке находилась стеклоделательная мастерская¹⁰⁶. Подобный масштаб производства стеклянных и янтарных изделий однозначно указывает на его рыночный характер. Исследователи вполне справедливо предполагают, что произведенная продукция обменивалась на меха, которые затем продавались на восточных рынках. Эта торговля была чрезвычайно доходна: «Баснословную прибыль, достигавшую иногда 1000 %, приносила разница в стоимости, исчисляемой в серебре, пушнины у северных народов и на восточных рынках»¹⁰⁷. Все эти изменения свидетельствуют о резком росте товарооборота на Балтийско-Волжском торговом пути в целом и того его участка, который проходил через Ладогу.

Когда впоследствии начал функционировать путь «из варяг в греки», этот город вообще оказался в очень выгодном положении на пересечении двух торговых магистралей. Неизбежно преувеличенные слухи о купцах с далекого севера Европы дошли до исламского мира, и в первой половине X в. Масуди в своей книге сообщает следующее: «Русы – многочисленные народы, имеющие отдельные виды. У них есть вид, называемый Луда’ана. Они самые многочисленные, посещают для торговли страну Андалусию, Италию, Константинополь и хазар»¹⁰⁸. Г. С. Лебедев так характеризует международное значение этого города: «Хронология строительных горизонтов... охватывает время с середины VIII до X в. Уже во второй половине VIII – начале IX в. Ладога стала крупным центром международной торговли. Клады арабских дирхемов (786, 808, 847 гг.), средиземноморские стеклянные бусы, передневожосточный “люстр”, балтийский янтарь, фрисландская керамика и резная кость характеризуют масштабы связей Ладоги»¹⁰⁹.

Весьма показательна, что финны и эстонцы называют Ладожское озеро Венеенмире – «Русское море»¹¹⁰, или, точнее, «море венедов» – так немцы и финно-угры называли славян. Как видим, данные финского языка красноречиво свидетельствуют о том, какой именно народ в первую очередь плавал по Ладоге. На связь с западными славянами указывает и название острова Виндин на Волхове к югу от Новой Ладоги, где выгружали товары с зимующих у пристани судов. «Более чем вероятно, – отмечал Д. К. Зеленин, – что этот остров получил свое имя от вендов, т. е. балтийских славян, которые часто приплывали сюда на своих судах, причем местные финны называли их обычным для всех западных финнов именем венды...»¹¹¹ Выводы, сделанные на основе филологии, в этом вопросе полностью подтверждаются данными археологии. В Средневековье на Балтике использовались суда двух типов – скандинавские и южнобалтийские. Результаты многолетних раскопок рисуют следующую картину: «Практически полное отсутствие деталей скандинавских судов, особенно наглядно на фоне гигантского объема находок фрагментов плоскодонных судов, построенных по южнобалтийской технологии. В раскопах Новгорода и Старой Ладоги найдены бортовые доски, большое количество элементов ластовых уплотнений, включая скобы разных типов, трапециевидные шпангоуты, шпангоуты-планки и множество деревянных нагелей разных размеров и типов. Это косвенно указывает на существование устойчивых связей

¹⁰⁶ Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 87-89.

¹⁰⁷ Кирпичников А. Н. Великий волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего Средневековья // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 40.

¹⁰⁸ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 3. М., 2009. С. 114.

¹⁰⁹ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 210.

¹¹⁰ Кобычев В. П. В поисках прародины славян. М., 1973. С. 17-19.

¹¹¹ Зеленин Д. К. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1954. № 6. С. 93.

Новгорода именно с южным побережьем Балтики...»¹¹² Специально исследовавший этот вопрос А. В. Лукошков приходит к следующему выводу: «Более того – можно предполагать, что именно из западнославянских земель побережья Южной Балтики был привнесён на новгородские земли опыт строительства судов для речного и прибрежного плавания»¹¹³.

Необходимо подчеркнуть, что связи западных славян с Ладогой фиксируются археологически именно в эпоху, непосредственно предшествовавшую летописному призыванию варягов. Анализируя результаты находки на Рюгене клада из двух тысяч арабских монет, датированного 849 г., общим весом в 2,8 кг и серебряных украшений пермского типа, И. Херрман писал: «В целом можно считать, что в середине IX в. мореплаватель, который жил в Ральсвеке на Рюгене, имел прямые связи с Волжским торговым путем или, по крайней мере, со Старой Ладогой. Лодки, на которых можно везти такие богатства, известны из Ральсвека. Керамика, господствовавшая в это время в Ральсвеке, относится к так называемому фрезендорфскому типу. Аналогичный материал известен и в Старой Ладого»¹¹⁴. Поскольку около велетского Менцилина также было найдено серебряное украшение пермского типа, исследователь отмечает, что ни о каком скандинавском посредничестве речи идти не может: «Большое число арабских серебряных кладов на южном берегу Балтийского моря относится ко времени около 850 г., тогда как в скандинавских странах арабские серебряные сокровища (клады) встречаются после середины IX в. <...> Распределение отдельных археологических находок IX в., а также обстоятельства их нахождения указывают на непосредственные регулярные морские связи южного берега Балтийского моря, который был населен полабскими славянами, поморянами со Старой Ладогой»¹¹⁵. Контакты не ограничивались одним Рюгеном: «Клады арабских монет, указывающие на выдающееся экономическое положение области вокруг Мекленбурга в IX в., известны у деревень Тюн, Хоэн, Вишендорф и Штайнхаузен»¹¹⁶. Однако это еще не самое раннее свидетельство контактов живших на территории современной Германии славян именно с Ладогой. В ходе раскопок торгового центра возле деревни Гросс-Штрёмкендорф, в котором специалисты видят город Рерик, было сделано одно важное открытие: «Могильник датируется периодом 760-811 гг., и находка в нём ладожской керамики является, возможно, самым ранним достоверно подтвержденным археологией указанием на контакты ободритов с землями словен в будущей Северо-Западной Руси»¹¹⁷. Таким образом, археологические данные показывают контакты жителей Рерика с севером Восточной Европы еще до призвания Рюрика и его братьев.

Надежной основой для регулярных связей славян Варяжского моря между собой стало возникновение в VIII-IX вв. морских торговых портов в Старграде и Рерике у ободритов, Арконы и Ральсвика у ранов, Менцилина у велетов, Колобжега, а затем Волина и Щецина у поморян и Старой Ладогой у ильменских словен. Исходя из современных нумизматических данных, более или менее крупные торговые операции с арабским серебром начинаются в 50-60-х гг. VIII в. и продолжаются почти сто лет без участия скандинавов¹¹⁸. О более чем скромной первоначальной роли скандинавов, даже если брать в расчет Готланд, в торговле с арабским миром свидетельствуют следующие нумизматические данные: «До начала IX в. куфические монеты на о. Готланд не поступали, а три клада, датированные первой третью

¹¹² Лукошков А. В. Конструктивные особенности найденных на дне Волхова древненовгородских судов в контексте традиций балтийского судостроения // Новгород и Новгородская земля. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 223.

¹¹³ Там же. С. 225.

¹¹⁴ Херрман Й. Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 193.

¹¹⁵ Там же. С. 195.

¹¹⁶ Херрман Й. Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 346.

¹¹⁷ Пауль А. Ладожская керамика в ободритском Рерике // <http://pereformat.ru/2014/03/gross-stroemkendorf-rerik/>

¹¹⁸ Фомин В. В. Варяги и Варяжская Русь. М., 2005. С. 444.

IX в., содержали всего 83 экземпляра. Клады же, найденные в Восточной Европе, содержали, по самым приблизительным подсчетам, не менее 6500-7000 монет»¹¹⁹. Однако различные данные фиксируют пребывание на Готланде славян и даже позволяют определить как минимум один славянский регион, имевший торговые отношения с этим островом: «Но Рюген был также связан морскими путями с Готландом, на что указывает, в частности, появление в готландских памятниках чашевидных сосудов, характерного типа керамики рюгенских славян»¹²⁰.

Изучение хронологии зарытых кладов куфических монет выявило и еще одну интересную закономерность. За пределами Восточной Европы на побережье Балтики все клады распределяются на три большие группы: в Скандинавии, в районе Нижнего Повисленья и в междуречье Эльбы и Одера. Ближе всего к Восточной Европе находится Готланд, но туда арабское серебро поступает позднее всего. После него ближе всего к Волжско-Балтийскому пути находится регион Вислы, однако самые ранние клады обнаружены не там, а в землях полабских славян на территории современной Германии, наиболее отдаленных от источника серебра. Причину этого А. В. Фомин видит в более высоком экономическом развитии этого региона по сравнению с остальными¹²¹. Несмотря на то что по отношению к Восточной Европе они находились на противоположном конце Варяжского моря, именно у полабских славян были наиболее ранние и тесные связи с северной частью восточных славян и наибольшая заинтересованность в данном регионе с торговой точки зрения. Составленная В. И. Кулаковым карта древнейших кладов дирхемов (рис. 2) красноречиво показывает связь между собой всех четырех мест на Балтийском море, где источники фиксируют присутствие русов, – именно в этих регионах мы видим находки монет до 800 г. включительно. Единственная неточность данной карты состоит в том, что на ней не указан один ранний готландский клад 780 г., однако это обстоятельство объясняется торговыми связями славянских купцов с данным островом. Западно-восточнославянские торговые связи проливают свет и на неожиданный состав призвавших варяжских князей восточноевропейских племен: именно по землям словен, кривичей и мери проходил Волжско-Балтийский торговый путь, по которому на Балтику и поступало арабское серебро.

¹¹⁹ Потин В. М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX-XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970. С. 68.

¹²⁰ Херрман Й. Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 354.

¹²¹ Фомин А. В. Начало распространения куфических монет в районе Балтики // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 18-19.

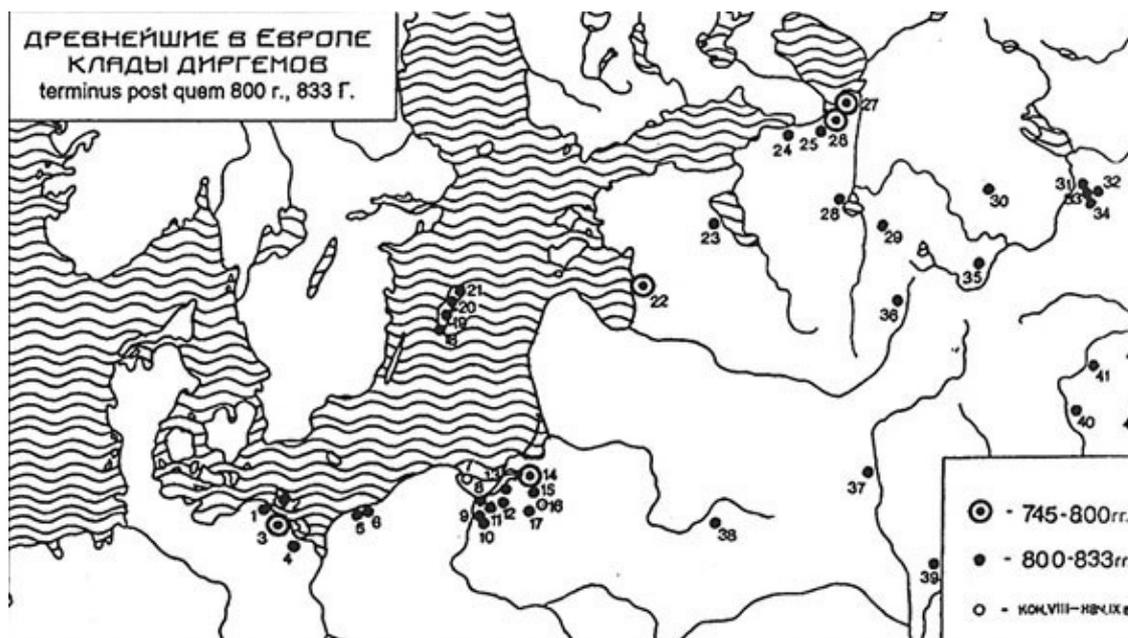

Рис. 2. Карта древнейших кладов дирхемов, составленная В. И. Кулаковым. Источник: Цветков С. В. *Князь Рюрик и его время*. М. – СПб., 2012

Анализ распространения восточного серебра красноречиво свидетельствует, кто главенствовал в балтийской торговле. Уже к середине XX в. накопленные археологические данные позволили В. Л. Янину сделать следующий вывод: «К настоящему времени 25 наиболее ранним восточноевропейским кладом куфических монет конца VIII – первой трети IX в. и трем десяткам отдельных находок того же времени в Восточной Европе может быть противопоставлено в Западной Европе только 16 кладов и 13 отдельных находок. (...)

Что касается роли скандинавов на этом начальном этапе торговли, то из 16 кладов конца VIII – первой трети IX в. только три обнаружены на Готланде и один в Упланде, на территории материковой Швеции. Два ранних готландских клада (783 и 812 гг.) очень малы. В одном из них содержалось 8, в другом 11 монет. Третий датируется 824 г., а клад из Упланды – 825 г. Остальные 12 западноевропейских кладов ничего общего со Скандинавией не имеют: пять из них найдены в Померании и датируются 802, 803, 816, 816 и 824 гг.; три – в Восточной Пруссии и датируются 811, 814 и 818 гг.; три в Западной Пруссии – 808, 813 и 816 гг.; один клад 810 г. обнаружен в Мекленбурге.

Таким образом, основная и притом сравнительно более ранняя группа западноевропейских кладов восточных монет обнаружена не на скандинавских землях, а на землях балтийских славян. Миф об исконности организующего участия скандинавов в европейско-арабской торговле не находит никакого обоснования в источниках. <...> Обращение Восточной Европы в основном поглощает приходящую с Востока монету, но торговые связи восточных и западных славян, игравшие, судя по статистике кладов, меньшую роль в экономике восточнославянского общества, приводят к частичному отливу куфической монеты на земли балтийских славян. Эти связи осуществляются непосредственно между населением Восточной Прибалтики и балтийскими славянами и являются, по существу, внутриславянскими связями, развивавшимися без заметного участия скандинавов. Только в самом конце первой четверти IX в. появляются скандинавские кладовые куфических монет, сколько-нибудь значительные в количественном отношении»¹²².

¹²² Янин В. Л. *Денежно-весовые системы русского Средневековья*. М., 1956. С. 88-89.

Косвенным показателем соотношения между собой славянской и скандинавской торговли на Балтики являются размеры торговых центров обоих племен. Славянский город Волин в IX в. занимал площадь 50 га, шведская Бирка – 12 га¹²³, датский Хедебю в пору своего расцвета веком спустя – 24 га¹²⁴. Тот факт, что славянский город в разы превосходил по площади современные ему крупнейшие скандинавские города указывает на гораздо больший объем торговли на юге Варяжского моря по сравнению с его северным и западным побережьями. Именно о Волине в XI в. Адам Бременский писал следующее: «Есть он в действительности важнейший город Европы и населен он славянами и другими народами, греками (скорее всего, жителями Древней Руси, отождествленными с греками по религиозному признаку. – М. С.) и варварами. <...> Город этот есть склад товаров всех северных народов, всех владений, которые радуют редкими товарами». Волин действительно был одним из крупнейших городов своего времени, численность населения которого в X в. оценивается в 5000-10 000 человек¹²⁵. То, что далее Адам Бременский отмечал, что от Волина до Новгорода 14 дней пути плавания под парусами, указывает на устойчивость и регулярность данного маршрута.

Значимость волго-балтийской торговли состоит и в том, что не только нумизматические, но и связанные с ней письменные источники позволяют точно определить, кем же на самом деле были варяги и русы. Вскоре после того, как русские купцы появились на восточных рынках, арабский писатель Ибн Хордадбех (ок. 820 – ок. 890) отметил: «Что же касается до русских купцов – а они вид славян, – то они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных (частей) страны Славян к Румскому морю...»¹²⁶ Ценность данного известия заключается в том, что, в отличие от автора ПВЛ, Ибн Хордадбех жил в эпоху летописного призвания Варяжской Руси, т. е. записывал со слов мусульманских купцов, успевших хорошо изучить своих контрагентов. Мусульманский автор XIV в. Димешки оставил нам другое чрезвычайно важное сообщение о варягах: «Здесь есть большой залив, который называется морем Варенгов. А Варенги суть непонятно говорящий народ, который не понимает почти ни одного слова (из того, что им говорят). Они славяне славян (т. е. znamenейшие из славян)». Сохранилось у него и упоминание о пути «из варягов в греки»: «Иные утверждают, что... Русское (Черное) море имеет сообщение с морем Варенгов-Славян»¹²⁷. Поскольку в XIV в. тема варягов была для исламского мира неактуальна и тем более к тому времени мусульманские купцы явно не могли уже непосредственно общаться с поморскими славянами-варягами, очевидно, что Димешки передавал сообщение каких-то более ранних исламских авторов, что было обычным делом для географических сочинений мусульманского мира.

О значимости торговли в жизни языческих славян достаточно красноречиво говорят и имена. Одним из наиболее известных богов полабских славян был Радигост, само имя которого означает «радеющий о госте». Слово *гость* в славянских языках обозначало не только обычного гостя, но и купца. Таким образом Радигост был не только богом – покровителем гостеприимства, но и богом – покровителем торговли. Именно в этом аспекте упоминает его древнечешская рукопись *Mater verborum*: «Радигост, внук Кртов – Меркурий, названный от купцов (a mercibus)»¹²⁸. В данном отрывке Радигост не только отождествляется с античным

¹²³ Вилинбахов В. Б. Балтийско-Волжский путь // СА. 1963. № 3. С. 128.

¹²⁴ Фомин В. В. Варяги и Варяжская Русь. М., 2005. С. 440.

¹²⁵ Вилинбахов В. Б. Балтийско-Волжский путь // СА. 1963. № 3. С. 129.

¹²⁶ Новосельцев А. П., Пащутто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 384-385.

¹²⁷ Геденов С. Отрывки из исследований о варяжском вопросе // Записки Императорской академии наук. Т. II. Кн. I. СПб., 1862. С. 148, 150.

¹²⁸ Матерь Лада. М., 2003. С. 385.

богом торговли Меркурием, но и специально подчеркивается, что он был назван так именно от купцов. У восточных славян богом богатства был Волос, а Ибн Фадлан описал молитву руса об успехе в торговле, обращенную к какому-то божеству. О значимости торговли для славян говорят имена и простых смертных. Если Радигост радел о госте, то новгородский Гостомысл об этом госте мыслил или думал. Точно такое же имя носил и князь ободритов, вступивший в конфликт с Людовиком Немецким. Наличие подобного знакового имени у правителей как ильменских словен, так и славян полабских в очередной раз подчеркивает ту роль, которую играла в их обществе торговля. В этом аспекте более чем показательным, что совет призвать Рюрика с братьями, как мы увидим ниже, дал новгородским словенам именно их старейшина Гостомысл.

Хотя бы приблизительное представление о размерах балтийско-волжской торговли дают находки восточного серебра в Европе. На территории Восточной Европы обнаружено более 200 кладов арабского серебра конца VIII – начала XI в., общее количество монет в которых превышает 200 000 дирхемов¹²⁹. В Скандинавии всего было найдено 55 900 арабских монет, в том числе 400 в Норвегии, 3500 в Дании и 52 000 в Швеции¹³⁰. Что касается последней страны, то львиная доля арабского серебра приходится не на континентальную Швецию, где находились сначала конунги, а впоследствии и короли, а на остров Готланд, где фиксируется присутствие славянских купцов, – 45 000 монет¹³¹. Как видим, не существой у готландских купцов связей в славянской среде, количество восточного серебра в Скандинавии было бы весьма незначительно. Весьма похожую ситуацию мы видим и в Дании: «Примечательно и выпадение кладов серебра в Дании до середины IX в. только на колонизированных балтийскими славянами и находившихся под их влиянием южно-датских островах. Три отмеченные на юго-западе Ютландии клада найдены на территории Нордальбингии – исторической области Саксонии, принадлежавшей после депортации отсюда германского населения в 804 г. ободритам. Отсутствие при этом выпадения кладов в собственно датских торговых центрах Хаитабу, Риббе, Упокре и Охусе говорит о незначительности участия данов в обороте арабского серебра на юго-западе Балтики в IX в., ключевую же роль в это время играл контролируемый рюгенскими славянами регион»¹³². Эти факты позволяют понять действительную причину присутствия скандинавских предметов в Восточной Европе. И. П. Шаскольский и В. В. Седов во многом именно торговлей объясняли присутствие скандинавских вещей в землях славянского и финского населения, а В. М. Потин – «необходимостью скандинавских стран расплачиваться за русское серебро». Несмотря на это, очевидное объяснение норманисты с упорством, достойным лучшего применения, пытаются использовать находки скандинавских артефактов для подтверждения своей гипотезы.

Очевидно, что в землю попадало довольно незначительное количество денег, циркулировавших по пути «из варяг в арабы». Исследователи попытались хотя бы приблизительно оценить общий объем материальных ценностей, перемещавшихся по этому трансконтинентальному пути. Г. С. Лебедев, рассуждая о взаимоотношении между Скандинавией и Русью, приводит следующие расчеты: «Обмен на этом уровне начинается в середине VIII в., достигая максимума в первой половине X в. Суммарный объем вовлеченных в этот обмен ценностей (условно 1,5 млрд дирхемов, слав. кун, приблизительно эквивалентный современным 5 млрд долларов США) распределен был в итоге в пропорции 1: 2 между Скандинавией и Русью (соответственно 500 млн дирхемов/кун = 1,7 млрд долларов США – Скандинавия,

¹²⁹ Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Древнейшие русские монеты // Русь в IX-XI веках: археологическая панорама. М. – Вологда, 2012. С. 403.

¹³⁰ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 323.

¹³¹ Вилинбахов В. Б. Балтийско-Волжский путь // СА. 1963. № 3. С. 128.

¹³² Пауль А. Роль рюгенских славян в южнобалтийских связях с Восточной Европой // Вестник ЛГПУ. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 2 (11). С. 115.

1000 млн дирхемов/кун = 3,3 млрд долларов США – Руси). Пик обмена в X в. дал, по-видимому, более 50 % этих средств обеим сторонам...»¹³³

Наиболее интересующий нас век он описывает так: «Города IX в. возникают в местах скопления кладов и находок восточных (в Среднем Поднепровье – византийских) монет, что свидетельствует об активном их участии, по крайней мере, в начальном движении денежных средств. Вовлечение этих средств, ориентировочно определяемых в 1 млрд дирхемов (что приблизительно эквивалентно современным 4-5 млрд долларов США, составляя 10 % по отношению к средствам, позднее вовлеченным в экономику Европы после Великих географических открытий на рубеже Средневековья и Нового времени), стало мощным фактором цивилизационных процессов как Скандобалтики, так и Древней Руси»¹³⁴. Понятно, что этот норманист явно зависил долю скандинавов: исходя из реально найденного количества дирхемов, о соотношении между Русью и Скандинавией необходимо говорить в пропорции 1: 3,5, а никак не 1: 2. Впрочем, учитывая общие масштабы искажения исторической действительности норманистами, это является еще весьма небольшим преувеличением. Вместе с тем Г. С. Лебедев принимал во внимание только Русь и Скандинавию, игнорируя данные по западным славянам и балтам, в земли которых точно так же поступало арабское серебро.

По расчетам американского нумизмата Т. Нунана, из Средней Азии в течение X в. было ввезено 125 млн саманидских дирхемов, или 375 тонн серебра. В среднем, по его расчетам, торговый оборот по Волге составлял 1 125 000 дирхемов, или 3750 кг серебра, ежегодно, что предполагало перемещение с севера на юг в качестве эквивалента 500 000 мехов в год¹³⁵. Современные археологические исследования севернорусских поселений X – XI вв. фиксируют там огромные массы костей пушных животных (бобра, белки и куницы), причем на отдельных поселениях их доля достигала 60-80 %¹³⁶, однако вопрос о том, достигал ли промысел рассчитанных нумизматом объемов, остается открытым. Очевидно, что все теоретические расчеты должны соотноситься с реальными возможностями северных регионов по поставке соответствующих товаров на восточные рынки. Большая часть этих 125 млн серебряных дирхемов поступило в Северную Европу через Ладогу¹³⁷. Даже если эти исследователи немного и преувеличили количество восточного серебра, в любом случае очевидно, что речь должна идти об огромных по тем временам суммах.

Естественно, западные славяне самыми разными средствами стремились обеспечить за собой контроль над этим важнейшим торговым путем. Мекленбургский автор Ф. Томас в 1717 г. отмечал, что женой короля вендов и ободритов Ариберта I, правившего с 700 по 724 г., была Вундана или Виндона, «дочь короля из Сарматии»¹³⁸. Сарматией античные и средневековые авторы неоднократно именовали Восточную Европу, равно как и Польшу, однако имя Виндона указывает на зону славяно-германских или славяно-финно-угорских контактов. Поскольку никаких германцев или финнов в указанный период в Польше не было, остается предположить, что Виндона была дочерью предводителя славянского племени на севере Восточной Европы, соседями которого были финно-угры. Если это так, то данное известие относится к началу складывания пути «из варяг в арабы», когда правитель ободритов путем брака закрепил установившиеся выгодные торговые связи на противоположном

¹³³ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 580-581.

¹³⁴ Там же. С. 554.

¹³⁵ Нунан Т. С. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 295-296.

¹³⁶ Макаров Н. А., Носов Е. Н., Янин В. Л. Начало Руси глазами современной археологии // Вестник Российской академии наук. Т. 83. 2013. № 6. С. 499.

¹³⁷ Кирпичников А. Н. Новые историко-археологические исследования Старой Ладоги // Ладога и истоки Российской государственности и культуры. СПб., 2002. С. 19.

¹³⁸ Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 2000. С. 131.

конце Варяжского моря. Отметим, что одним из наиболее древних кладов восточных монет в землях западных славян является находка в Карсиборе, датируемая временем около 698 г.¹³⁹

Одним браком дело не ограничилось. Раскопки Е. А. Рябина Любшанского городища окончательно прояснили вопрос о том, кто в действительности доминировал на севере Руси до призвания Рюрика. Общая площадь городища составляла примерно 1800 кв. м и находилось оно в 2 км к северо-востоку от Старой Ладоги на противоположном берегу Волхова. Первая деревянная крепость была построена на этом городище в последней трети VII столетия. Затем в середине VIII в. на Любшанском городище возводится каменно-земляная крепость, не имевшая в тот момент аналогов в Восточной Европе: «Сооружение представляло собой глиняный вал высотой более трех метров, укрепленный двумя подпорными стенками. Верхняя часть одной из них возвышалась над поверхностью вала, образуя каменное обрамление гребня насыпи. Выше были устроены деревянные городни или клетки. Общая высота оборонительного сооружения достигала семи метров». Под защитой этой твердыни возникает и Ладога, самое древнее строение которой датируются 753 г.¹⁴⁰ Самая первая крепость строится в Ладоге в последней четверти IX в. практически синхронно с гибелью Любшанского городища, которое было уничтожено до 870 г. Таким образом, более 110 лет Ладога спокойно жила и развивалась как торгово-ремесленное поселение безо всяких укреплений под защитой этой крепости, явно доминировавшей во всем регионе. Исследовавшие ее археологи отмечали, что «в середине (возможно, в начале) VIII в. на Любше воздвигается крепость качественно нового типа. Ее создателями не являлись аборигенными жителями Восточной Европы... Изначально здесь осела популяция, связанная по происхождению с западными славянами»¹⁴¹. Даже норманист Г. С. Лебедев был вынужден признать: «Височные кольца, в том числе спиралеконечные, характерные для раннеславянской культуры во всей “северославянской этнокультурной зоне”... убедительно обосновывают условно славянскую принадлежность укрепленного поселения. <...> Таким образом, Любша – первый по времени памятник славян в ладожской округе, предшествующий появлению застройки середины VIII в. на Староладожском Земляном городище...»¹⁴² Он же констатировал и сходство этой крепости с Труворовым городищем: «Любша, как видимо, и первоначальный Изборск на Труворовом городище (где вскрыты траншеей каменные конструкции, близкие любшанским), были, вероятно, пограничными форпостами славянства в этом ареале, хотя не исключено, что именно это – первые укрепленные поселения славян, как предполагал сорок лет назад В. Б. Вилинбахов, проникших из Юго-Западной Балтики морским путем...»¹⁴³ Само название восточнославянской реки, на которой была возведена крепость, находит свою прямую аналогию в названии племени любушан, упомянутого Адамом Бременским при перечислении им славян на территории современной Германии¹⁴⁴. Также оно перекликается с именем чешской Либуши и более поздним Любеком. Необходимо отметить, что никаких следов присутствия скандинавов на городище не выявлено. Не являются скандинавскими и наконечники стрел, более двух десятков которых были найдены археологами, причем часть из них была обнаружена воткнутыми в вал и каменную обкладку укрепления: «Стрелы (кроме одной) явно не скандинавского происхождения»¹⁴⁵. Зато другое найденное

¹³⁹ Слаский К. Экономические отношения западных славян со Скандинавией и другими прибалтийскими землями в VI-XI вв. // Скандинавский сборник. Т. 6. Таллин, 1963. С. 73.

¹⁴⁰ Чернов А. Здесь была столица России // Огонек. № 8. 1999. С. 25-27.

¹⁴¹ Рябинин Е. А., Дубашинский А. В. Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 202.

¹⁴² Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 461.

¹⁴³ Там же. С. 476-477.

¹⁴⁴ Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М., 2011. С. 41.

¹⁴⁵ Чернов А. Загадки северных людей // Огонек. № 9. 1999. С. 28-31.

на городище оружие имеет весьма показательную аналогию: «Один из двух железных дротиков, откопанных в Любше, был очень похож на найденный Зорианом Ходаковским в начале XX века в Олеговой могиле. Можно предположить, что строители Любши и человек, погребенный в кургане, – западные славяне, пришедшие из Европы»¹⁴⁶. Археологи отметили, что жители городища активно занимались изготовлением украшений из цветного металла: на территории поселения уже было найдено 19 тиглей и их фрагментов, 3 льячки, 13 литейных формочек и их заготовок, а также бронзовые и свинцово-оловянистые слитки для изготовления ювелирных изделий, причем «такая концентрация находок, связанных с литейно-ювелирным производством, пожалуй, не имеет аналогий на остальных раннесредневековых памятниках Восточной Европы»¹⁴⁷. Хорошо было развито и кузнечное дело.

Но самым важным открытием являются артефакты, указывающие на еще одну специализацию городища: «Представляет интерес занятие древних любшанцев обслуживанием судоходного пути, который в это время только начал свое функционирование на Великом Волжском пути из Балтики в Восточно-Европейскую равнину и далее на Кавказ, Закавказье и Арабский Восток. При раскопках найдена многочисленная серия (около 50 экз.) железных корабельных заклепок и их заготовок. Значимость их обнаружения заключается в том, что такие детали в корабельной технике использовались при соединении деталей крупных морских судов. Далее выходцы из Балтики должны были оставлять свои корабли в удобной гавани и плыть затем на мелких речных судах»¹⁴⁸. В вопросе о возникновении Волжско-Балтийского пути история тесно смыкается с геологией. Как отмечают специалисты, вскоре после возникновения природных условий для начала функционирования Волжско-Балтийского торгового пути его начинают активно осваивать западные славяне. Именно они, а отнюдь не скандинавы строят мощную *Любшанскую крепость, уникальную для всего региона, которая на протяжении почти двух столетий надежно контролировала ключевой участок торгового пути и защищала торгово-ремесленное поселение в Ладогe. Не имевшая в тот момент аналогов на всем севере Восточной Европы, эта крепость надежно защищала сверхприбыльную торговлю западных славян. Е. А. Рябинин* особо подчеркивал стратегически важную роль созданной славянами крепости во всем регионе на протяжении двух веков: «Именно выходцы с этих территорий (Нижнего Подунавья или западнославянских земель. – М. С.) и построили крепость. Любша как ключевой укрепленный пункт на протяжении около двухсот лет держала под контролем стратегический перекресток между водными магистралями эпохи раннего Средневековья: Великий Волжский путь из Балтийского в Каспийское море и летописный путь “из варяг в греки”, соединявший Север с Черным и Средиземным морями»¹⁴⁹. *Очевидно, что, обладая мощными укреплениями, уникальными для всего региона, Любша полностью господствовала в военно-политическом отношении не только над соседней Ладогой, полностью лишенной каких бы то ни было укреплений, но и над всей округой. Открытие Любшанского городища поставило жирный крест на всех рассуждениях норманистов о господстве скандинавов над славянами на севере Руси, о том, что именно викинги были теми самыми варягами, которые взимали дань с восточноевропейских племен и контролировали пролегающие через их земли торговые пути.*

Логично предположить, что контроль над путями сопровождался сбором пошлин с проплывавших мимо купцов. В 1809 г. на берегу Ладожского озера в 12 верстах от устья Волхова один крестьянин нашел целую бочку куфических монет. Когда о находке узнала

¹⁴⁶ Самойлова И. Археолог Рябинин нашел древнейшую на Руси крепость // http://www.oldladoga.ru/arheolog_rjbinin_nashel_drevneishuyu_na-2.html

¹⁴⁷ Рябинин Е. А., Дубаишинский А. В. Любшанское городище в Нижнем Поволжье: (предварительное сообщение) // Ладoga и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 200.

¹⁴⁸ Там же. С. 202-203.

¹⁴⁹ Рябинин Е. А. У истоков Северной Руси. СПб., 2003. С. 17.

власть, ему пришлось отдать 7 пудов (114,66 кг) серебра, но, судя по всему, при этом он смог утаить значительную его часть, поскольку через несколько лет выкупился сам с семьей, купил дом в Тихвине и завел там торговлю. Поскольку крестьянин был крепостным Бестужевых, которые в то время владели Любшей, возникло предположение, что этот громадный клад являлся казной Любшанской крепости¹⁵⁰.

Контроль не ограничивался одним этим участком: выше уже отмечался западнославянский характер укреплений Сергова городка, закрывавшего выход из Ильменя в Веряжу, причем само название данной реки «означает просто “Варяжская” и притом в древнейшей форме»¹⁵¹. Следует также отметить, что именно через эту реку проходил обходной водный путь мимо бурного Ильменя, использование которого предполагается на основании «Устава князя Ярослава о мостех» (1265-1267), и однозначно зафиксировано во время путешествия к Новгороду австрийского посланника Мейерберг в 1662 г. На основании укреплений Холопьяго городка Е. Н. Носов заключил, что система контроля над водными путями в истоках Волхова существовала по крайней мере уже с начала IX в.¹⁵² В другой своей работе совместно с А. Е. Леонтьевым этот же исследователь отмечал: «Сообщение по балтийско-днепровскому пути было должным образом организовано. На Волхове, где сходились основные торговые магистрали, безопасность плавания обеспечивалась чередой укрепленных поселений и торговых мест, торжищ, приуроченных к наиболее важным и сложным участкам фарватера. Как только берега Волхова резко повышаются при плавании от Ладожского озера в глубь континента, то на высокой круче с почти отвесными склонами возвышается городище Любша, реальный сторожевой форпост, возле которого проходят все суда. Далее, через пару километров, находится сама Ладога, стоящая уже на низком берегу при впадении речки Ладожки в Волхов, с прекрасной бухтой для стоянки судов. Другого столь удобного места во всем низовье Волхова нет. На Любше есть ранние слои I тыс. н. э., но в период расцвета Ладоги она, несомненно, выполняла задачу первого пункта подачи сигнала о появлении находников “из-за моря”. Вверх по течению, у Гостинопольских (Волховских) порогов, расположено городище Новые Дубовики. По средневековым источникам мы знаем, что у порогов шла перегрузка товаров с морских ганзейских кораблей-когов на новгородские плоскодонные суда, была налажена “служба порогов” и были специальные лоцманы. Эта организация преодоления порогов, очевидно, восходит к эпохе викингов. В среднем течении Волхова, у Пчевских порогов, снова было устроено укрепленное поселение у д. Городище. В истоке Волхова, при раздвоении Волхова на рукава, находились Холопий городок и Рюриково городище, контролировавшие плавание по реке. Такая приуроченность волховских укрепленных поселений свидетельствует о стремлении обезопасить путь и предполагает существование организующей силы, контролировавшей его»¹⁵³.

Какая же это была «организующая сила», способная построить эффективную защиту и контроль на такой обширной территории? Наличие княжеской власти в этих землях подтверждает недатированная часть ПВЛ, где летописец причисляет новгородских словен к числу тех немногих восточнославянских племен, которые после смерти Кия и его братьев имели собственное княжение: «И по сихъ братьи держати. почаша родъ ихъ кн#женьє в Пол#хъ. [а] в Деревл#хъ свое. а Дреговичи свое. а Слов#ни свое в Нов#город# а другое на Полот# иже Полочане»¹⁵⁴ – «И после этих братьев стал род их княжить у полян, а у древлян было

¹⁵⁰ Чернов А. Звон Любшанской казны // <http://chernov-trezin.narod.ru/chudesab.htm>

¹⁵¹ Попов А. И. Следы времен минувших. Л., 1981. С. 48.

¹⁵² Носов Е. Н. Новгородская земля IX-XI вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Л., 1992. С. 18-19.

¹⁵³ Леонтьев А. Е., Носов Е. Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII-X в. // Русь в IX-XI веках: археологическая панорама. М. – Вологда, 2012. С. 399-400.

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 10.

свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане». Время жизни Кия традиционно относят к VI в., и данные племенные княжения явно существовали до призвания Рюрика. Поскольку впоследствии эта же летопись упоминает древлянского князя Мала, оснований не доверять этому известию у нас нет. Более поздняя «Повесть о Словене и Русе», автор которой использовал данные новгородского фольклора, относит наличие княжеской власти к самому началу появления славян на севере: «Больший же сын онаго князя Словена Волхов безоудник и чародей люот в людех, тогда и бесовскими ухищрени мечты творя многа, преобразуясь во образ лютаго зверя коркодила, и залягаше в той реце Волхове путь водный и непокоряющихся ему овых пожирая (вариант: и ладии опроверзаше), овых изверзая потопляше. Сего же ради люди, тогда невегласи, Богом сущим того окаяннаго нарицаху и грома его или Перуна нарекоша... Постави же он окаянный чародей ношних ради мечтаний собрания бесовскаго градок мал на месте некоем, зовомо Перыня, идеже и кумир Перунов стояша. И баснословят о сем Волхве невегласи, глаголюще: в бога сел...»¹⁵⁵ Данный текст отождествляет сына первого князя с богом Перуном, объясняя происхождение Перыни близ Новгорода. Если не обращать внимания на стремление автора этой «Повести» опорочить верховного бога прежней религии, то в остальном картина получается весьма правдоподобная, соответствующая более древним источникам: совмещение в лице князя сакральной и светской власти, строительство крепости для контроля над водным путем. Очевидно, что «коркодил» заменил впоследствии дракона, в образе которого мог являться Перун. Тот факт, что в народной памяти сохранялась поговорка «в бога сел» наводит на мысль, что это был не единичный случай подобного обожествления.

Достаточно поздняя «Сага о Скьельдунгах» рассказывает о том, что единственная дочь скандинавского конунга Ивара Широкие Объятия Ауд Богатая была замужем за датским королем Хрериком Метательное Кольцо. У супругов рождается сын Харальд Хильдетант (Боезуб). Однако Ивар убивает Хрерика, после чего Ауд с малолетним сыном бежит сначала на Готланд, а затем в Гардарики. Там она выходит замуж за короля Гардарики-Руси Радбарда и рождает ему сына Рандвера. Самого Радбарда саги называют сыном конунга Руси Скира, который, в свою очередь, является сыном конунга сеев Ингвара, принадлежавшего к династии Инглингов, возводивших свой род к Одину. Однако другие саги не знают Скира как потомка Одина. Что касается Радбарда, то с тем, что его имя представляет собой, по всей видимости, искаженную передачу славянского имени Ратибор, согласен даже норманист Е. В. Пчелов. Ивар, желая наказать дочь, во главе датско-шведского войска идет войной на Русь и гибнет на ее западной границе. Радбард дает войско своему пасынку Харальду Боезубу и помогает ему получить датский престол. Через какое-то время родной сын Радбарда Рандвер становится конунгом Гардарики. У Рандвера рождается сын Сигурд Кольцо, которого его дядя Харальд делает правителем Швеции. Сыном Сигурда и, соответственно, внуком Рандвера был знаменитый викинг Рагнар Лодброк (Кожаные Штаны). Отметим, что «Обзор саг о датских конунгах», составленный в 1261-1287 гг., упоминает о «гардском» происхождении Сигурда Кольцо и Рагнара Кожаные Штаны, однако ничего не говорит о принадлежности Радбарда к династии Инглингов: «Радбард, конунг в Хольмгарде, взял в жены Унну, дочь Ивара Широкие Объятия. Их сыном был Рандвер, брат Харальда Боевой Зуб. Их сыном был Сигурд Кольцо; его сыном Рагнар Кожаные Штаны...»¹⁵⁶ Специально изучавшая генеалогию Рагнара Н. И. Милютенко отмечает, что версия «Саги о Скьельдунгах» рассыпается при сравнении с другими источниками. Исследовательница допускает, что включение Радбарда из Гардарики наравне с Иваром Широкие Объятия в легендарную генеалогию Рагнара

¹⁵⁵ Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878. С. 17.

¹⁵⁶ Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII в.). М., 2000. С. 248.

Кожаные Штаны связано с борьбой датских и шведских конунгов за участие в торговле по Балтийско-Волжскому пути.

Состарившийся Харальд Боезуб поссорился со своим племянником Сигурдом, и этот конфликт закончился знаменитой Бравалльской битвой, которая произошла около 770 г.¹⁵⁷ Рассказывая о скандинавском конунге Оле, участвовавшем в этой битве, Саксон Грамматик отмечает, что телохранителями ему служило семь королей, к числу которых он относит и Регнальда Рутенского, внука Ратбарта (Regnald Ruthenus, Rathbarthi nepos, английский перевод – Regnald the Russian)¹⁵⁸. Нечего и говорить, что ни письменные источники, ни археология, ни языковедение не подтверждают присутствие скандинавской династии на территории Руси. Поскольку дата Бравалльской битвы более или менее точно определена, то время жизни Ингвара, Скира и Радбарта должно относиться к концу VII – началу VIII в. Однако в Ладоге самые ранние вещи, интерпретируемые как скандинавские, датируются примерно 750 г. Равным образом ничто не указывает на присутствие выходцев из Восточной Европы в Швеции, чего можно было бы ожидать в связи с появлением на ее троне сына гардского конунга Сигурда. Однако при всей своей фантастичности данные «Саги о Скьельдунгах» показывают, что, согласно представлениям скандинавов, какое-то объединение на территории Руси, а исходя из «Обзора саг о датских конунгах», именно Новгорода, существовало уже как минимум в начале VIII в. При этом данное объединение было достаточно мощным, чтобы решиться на противостояние с объединенным датско-шведским войском, а затем обеспечить получение власти в Дании своему кандидату. Понятно, что Новгорода еще не существовало в ту эпоху, да и в остальном отделить правду от вымысла в «Саге о Скьельдунгах» достаточно трудно, однако, даже с учетом возможных преувеличений, данный сюжет косвенно свидетельствует о наличии какой-то политической организации на севере Восточной Европы в ту далекую эпоху.

Об этом же говорят и сообщения различных мусульманских авторов о трех группах русов в Восточной Европы. Одним из первых о них писал Ибн Хаукаль: «И русов три группы. (Первая) группа, ближайшая к Булгару, и царь их в городе, называемом Куйаба, и он больше Булгара. И группа самая высшая (главная) из них, называют (ее) ас-Славийа, и царь их в городе Салау, (третья) группа их, называемая ал-Арсанийа, и царь их сидит в Арсе, городе их». Об этом же с незначительными вариациями говорит и автор анонимного сочинения «Худуд ал-алам»: «Куйа. а – город русов, ближайший к мусульманам, приятное место и резиденция царя. Из него вывозят различные меха и ценные мечи. Сла. а – приятный город, и из него, когда царит мир, ведется торговля со страной Булгар. Артаб – город, где убивают всякого чужестранца...»¹⁵⁹ Подавляющее большинство исследователей считают, что под Куйабой восточные авторы подразумевали Киев, а под ас-Славийа – область ильменских словен с центром в городе Слава, предшественнике Новгорода. Последний Е. Н. Носов отождествляет с Рюриковым городищем. Весьма показательным, что, согласно «Худуд ал-алам», только Славийа ведет торговлю с Волжской Булгарией, что перекликается не только с данными археологии, но и с определением ПВЛ восточных пределов распространения варягов. С другой стороны, именно самую северную группу русов Ибн Хаукаль называет самой высшей или самой главной по отношению к двум другим. Локализация третьего центра русов до сих пор остается дискуссионным. Поскольку это известие относится ко времени до возникновения Новгорода, который, как полагают археологи, уже существовал к моменту призвания

¹⁵⁷ Fragment of a Saga about Certain Early Kings in Denmark and Sweden // <http://www.oe.eclipse.co.uk/nom/Fragment.htm>; Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей. М., 2001. С. 79-84; Милотенко Н. И. «Гардская» версия происхождения Рюрика Кожаные Штаны // http://oldladoga.nw.ru/content/library/paper_19.htm

¹⁵⁸ *Saxonis Grammatici. Gesta Danorum*. Strassburg, 1886. S. 260.

¹⁵⁹ Новосельцев А. П., Пащенко В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 412-413.

Рюрика, следовательно, упоминание царской власти в ас-Славийа также свидетельствует о наличии какой-то государственности у ильменских словен еще до призвания варягов.

К сожалению, сохранилось очень мало данных, способных поведать нам о существовавшем устройстве в данном регионе в эпоху до Рюрика. К числу материальных свидетельств развития восточнославянского общества относятся новгородские сопки VIII – X вв., более 70 % которых сосредоточено в бассейне Ильменя. Их размеры колеблются от 2-2,5 м в высоту при диаметре 12-14 м до грандиозных насыпей высотой 10 м и более при диаметре 40 м. Как подсчитал В. В. Седов, из 35 учтенных насыпей 74 % содержали одно погребение и лишь 22 % – от двух до четырех. Уже одно это указывало на достаточно далеко зашедшую социальную дифференциацию общества и появление в нем знати. Дополнительно на это указывает и чисто пространственное противопоставление единичных захоронений в сопках погребениям, расположенных у их подножия. Считалось, что на возведение сопки высотой 4-12 м требовалось 800-3600 человеко-дней, однако хронометраж отдельных действий по ее возведению показал, что затраты труда были значительно большими. Создавшее их «общество обладало достаточно выраженным социальным неравенством и жесткой структурой, позволявшей организовать сооружение столь трудоемких объектов. Как бы то ни было, возможность использования больших трудовых ресурсов в непроизводительной сфере свидетельствует о высоком уровне развития производительных сил»¹⁶⁰. По мнению В. Я. Концакого, экономической основой существования культуры сопкок было пашенное земледелие, однако на социальную дифференциацию вполне могла влиять и трансконтинентальная торговля. Другие археологи также рассматривают сопки как свидетельство существования в регионе родовой аристократии: «Так, выявление выделяющихся своими размерами скопленений сопкок на Луге и Мсте на компактных участках, где отсутствуют следы значительных поселенческих комплексов конца X-XII в., позволило сделать вывод о существовании здесь в IX – первой половине X в. крупных центров, в которых была сосредоточена родовая аристократия, и о затухании этих центров во второй половине X в., предположительно – в результате походов Ольги, “установившей погосты” на Мсте и Луге»¹⁶¹.

Исследователи отмечают, что эти монументальные сооружения могли иметь и ритуальный смысл: «Особенный интерес для изучения сопкок представляет деталь, зафиксированная в последние годы, – вертикальный столб, установленный в центре основания и пронизывающий насыпь. Забутованное камнем основание такой конструкции было открыто в сопке у д. Заручевье. Остатки собственно столба обнаружены В. П. Петренко в суглинистом грунте одной из сопкок около Старой Ладogi. <...> Во всяком случае вышеуказанный столб в насыпи в семантическом отношении несомненно означает “мировое дерево”, пронизывающее все ярусы мира. Аналогичное выражение данной мифологемы представлено в некоторых индоевропейских традициях, а главное, не чуждо и древнерусской»¹⁶². Норманисты глубокомысленно рассуждают о скандинавском влиянии на возникновение данного погребального обряда, но вот о чем свидетельствуют вещи, найденные в самих новгородских сопках: «При характеристике керамического материала из сопкок было подчеркнуто, что сосуды биконических форм, встречаемые как в сопках, так и на поселениях, находят аналогии в славянских древностях междуречья Нижней Вислы и Одера. Это обстоятельство также склоняет к мысли о юго-западном происхождении словен новгородских»¹⁶³.

¹⁶⁰ Концакий В. Я. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменя в VIII – X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 150.

¹⁶¹ Макаров Н. А. Археологические древности как источник знаний о ранней Руси // Русь в IX-XI веках: археологическая панорама. М. – Вологда, 2012. С. 83.

¹⁶² Концакий В. Я. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменя в VIII – X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 143-144.

¹⁶³ Седов В. В. Новгородские сопки. М., 1970. С. 33.

Несомненный интерес представляют и следы сотенного деления на севере Руси. В Новгороде сотские впервые упомянуты в начале XII в., подробно описана эта организация в «Уставе о мостех», составленном до 1264 г. Б. А. Рыбаков возводил деление Новгородской земли на сотни к XI в., связывая его с дружинным бытом и методами сбора дани. Однако сотские указываются в качестве участников пиров еще Владимира Святославича. А. В. Куза подчеркивает, «что совпадение территории сотен с древним ядром Новгородской волости косвенно свидетельствует об их раннем происхождении. Более того, ряд данных о сотенном устройстве в соседних с Русью славянских странах, а также в Германии заставляет отодвигать время возникновения этого института в глубь веков, в эпоху военной демократии и выделения племенной дружины. <...> Вполне соглашаясь с мнением этнографов и историков о древности десятичной организации, полагая, что князья на Руси получили ее в наследство от предшествующей эпохи и на первых порах использовали в военно-административных целях, приходится признать более поздний характер системы волостей, погостов и становищ, перекроивших прежнее деление земель». Этот исследователь полагает, что первоначально Новгородская земля «делилась на сотни, объединявшие все свободное население, что вполне соответствовало принципам организации войска и архаическим формам сбора дани – полюдью. Недаром легенда о призвании князей утверждает, что именно словене, кривичи и чудь платили варягам дань не от сохи, не от дыма, а от мужа»¹⁶⁴.

Большое значение для нашей темы представляет возникшее раньше Новгорода и в непосредственной близости от будущей столицы Северной Руси так называемое Рюриково городище, на котором фиксируется присутствие славяно-скандинавской дружины. Исследовавший его Е. Н. Носов на основании археологических данных так определял его возраст: «Итак, имеющиеся данные... позволяют уверенно говорить о существовании поселения начиная с середины IX в.»¹⁶⁵. Эта дата была определена на основании двух кладиков арабских дирхемов (конца 850-х гг. и конца 860-х гг.), отдельных восточных и византийских монет, бус, импортов из Скандинавии и Хазарии, радиоуглеродного датирования. В более поздней своей работе этот же археолог подчеркивал, что отнесение даты основания городища к середине IX в. не окончательно. Он обращает внимание на то, что два аналогичных по значимости пункта контролировали с разных сторон раздвоение Волхова на рукава, а затем их соединение – Рюриково городище и Холопий городок. Наличие на последнем кладе монет самого начала IX в. позволяет полагать, что и Рюриково городище возникло примерно в это же время.

С одной стороны, археологические данные позволяют предположить там присутствие скандинавов: «Изделия скандинавского облика появились здесь во второй половине IX в., но наибольшее их число приходится на X в.»¹⁶⁶. Однако рассматривать данное поселение как опорный пункт скандинавов в славянских землях невозможно по целому ряду причин. Во-первых, наиболее вероятной датой его основания является начало IX в., а археологические следы скандинавов отсутствуют в наиболее ранних слоях этого поселения, что исключает их из числа возможных его основателей. Во-вторых, «лепная керамика Городища аналогична древнейшей посуде Новгорода и сельских поселений центрального Приильменья и Поволховья конца I тыс. н. э. Она свидетельствует о том, что основная часть жителей городища в IX – X вв. составляло то же население, что обитало в центре Новгородской земли. Это были ильменские словене»¹⁶⁷. В-третьих, археологические материалы фиксируют значительный западнославянский компонент на городище, нашедший свое отражение в кера-

¹⁶⁴ Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X – XIII вв. М., 1975. С. 165, 167, 168.

¹⁶⁵ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 149-150.

¹⁶⁶ Там же. С.162.

¹⁶⁷ Там же. С.164.

мике, конструкции хлебных печей и особых втульчатых наконечниках стрел. Последние характерны для западных славян и составляют 28,5 % от общего количества наконечников стрел на городище. При этом они были совершенно несвойственны скандинавам, и при раскопках Бирки не было найдено ни одного такого наконечника. Обобщая самые последние находки, археолог констатирует: «Наиболее массовый материал с поселения – лепная керамика – аналогична керамике сельских поселений центрального Приильменья, Поозерья, Волхова и самой Ладоги. В целом она может быть охарактеризована как керамика культуры сопок. Есть только один фрагмент сосуда, который может быть атрибутирован как скандинавский по происхождению. Раннегончарная керамика также типична для славянских памятников района, и среди неё всё отчётливее выступают черты западнославянской керамической традиции. Заслуживает внимания то, что в составе городищенской коллекции наконечников стрел от лука значительную часть составляют втульчатые двухшипные наконечники. По их числу (более 20 экземпляров) Рюриково городище явно выделяется среди памятников лесной зоны Восточной Европы, где они единичны. Такие наконечники не были характерны для финно-угорских и балтских народов, а также культур кочевников, но они характерны для территорий западных славян»¹⁶⁸. Единственный фрагмент скандинавской керамики вместе с найденным там же более поздним руническим амулетом и его копией, равно как и различные приписываемые скандинавам вещи, позволяют предположить, что какое-то количество скандинавов действительно могли присутствовать на городище. Проводивший раскопки этого места Е. Н. Носову делает следующий вывод: «Таким образом, имеющиеся находки с Городища свидетельствуют о том, что в составе его жителей в IX – X вв. были славяне и скандинавы. Причем многие элементы культуры, которые можно определить как славянские (керамика, хлебные печи, двухшипные наконечники стрел), находят параллели на западнославянских землях, примыкающих к Балтийскому морю. Тот факт, что в торгово-ремесленном и военно-административном пункте на крупной водной магистрали, каким являлось Городище в ранний период своей истории, основным типом ранних наконечников стрел были наконечники, характерные именно для славян, представляется крайне важным»¹⁶⁹.

Наличие смешанного славяно-скандинавского поселения в непосредственной близости от Новгорода является достаточно значимым обстоятельством, однако археологические материалы не дают основания однозначно связать его с летописным известием о варяжской дани. По «Саге о Йомских викингах» мы знаем о существовании подобных смешанных славяно-скандинавских дружин на южном побережье Балтики. Наличие подобного контингента в землях ильменских словен весьма интересно, однако летописец говорит о родстве с варягами всей городской общины Новгорода, а не одной только дружины. Кроме того, производивший изучение городища Е. Н. Носов отождествляет его со Словенском позднего летописания и упоминанием о Славии как северном центре Руси арабских писателей. Если это так, то данные названия совершенно недвусмысленно свидетельствуют, кто был ведущей силой на городище – славяне или скандинавы. Полностью подтверждают этот вывод и отмеченные археологами особенности топографии данного укрепления: «На Городище первые строители применили сложное сочетание дерево-земляной платформы, подрезку склонов холма, сооружение рва и деревянных стен-городней, которые были поставлены на склоне небольшого холма в пойме Волхова. Топография, выбранная первопоселенцами для крепости, чрезвычайно напоминает расположение славянских городищ на южном берегу Балтийского моря и славянские бурги в междуречье Эльбы и Одера. Там также использовали низкие, затопля-

¹⁶⁸ Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX-XI веках: археологическая панорама. М. – Вологда, 2012. С. 114.

¹⁶⁹ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище, Л., 1990. С. 166.

емые участки речных пойм и острова на озерах»¹⁷⁰. Шведский же археолог И. Янссон констатировал, что поселения типа Рюрикова городища в Скандинавии неизвестны¹⁷¹. Уже с самого начала Рюриково городище имело двухчастную структуру и состояло из укрепленной площадки на вершине холма и примыкавшей к ней неукрепленной части. В связи с деятельностью преемника Рюрика необходимо упомянуть оборонительные сооружения Киева, которые были возведены в конце IX – X в. и не имеют аналогов ни у полян, ни у их ближайших соседей. Исследование особенностей их строительства привело К. А. Михайлова к следующему выводу: «На мой взгляд, техника строительства Старокиевского городища наиболее близка своеобразным традициям славянских укреплений Северной Германии и польского Поморья, но в первую очередь она соотносится с самыми ранними укреплениями Новгорода на Рюриковом городище. <...> Безусловно, укрепление Новгородского городища предшествует киевским укреплениям. Одинаковые условия сооружения двух крепостей и необычная техника строительства, которая не получила дальнейшего развития в древнерусской фортификации, указывают на одну и ту же группу строителей. Вероятно, обе крепости возводил один и тот же коллектив»¹⁷². География и датировка возведения обеих укреплений полностью соответствует летописному известию о походе Олега с севера на юг и переносе в Киев столицы Руси. Едва ли следует подробно говорить о том, какое огромное значение имели крепости для зарождающейся русской государственности. С их помощью контролировались окрестные земли и проходящие по ним торговые пути, в них князь и его дружина хранили свои сокровища и, в случае необходимости, могли отсидеться при нападении врагов или восстании собственных подданных. Другими словами, крепости являлись оплотом княжеской власти. В свете того, что захоронения, распространение тех или иных вещей и т. п. можно связать с дружиной первых варяжских князей лишь с большей или меньшей степенью вероятности, обе крепости, возведенные в сменявших друг друга центрах власти, являются *единственным* археологическим признаком, который мы с полной уверенностью можем соотнести с пришедшей из-за моря варяжской русью. То, что в обоих случаях применялась западнославянская техника строительства укреплений, в очередной раз показывает, кто же составлял основную часть дружины Рюрика и Олега. Западнославянские наконечники стрел, найденные на Рюриковом городище, говорят о том, что выходцы из этого региона были не только строителями, но и воинами в этой крепости.

Именно с Рюриковым городищем следует связать известный эпизод из Жития Стефана, архиепископа Сурожского – современного города Судак в Крыму. Исследовавший этот текст В. Г. Васильевский установил, что упоминание о русах было и в греческом тексте, а само Житие было написано в первой половине IX в. Интересующий нас фрагмент гласит: «По смерти святого (Стефан умер после 787 г. – М. С.) мало лет минуло и пришла рать великая русская из Новагорода, князь бранлив и силен зело (в других списках – князь Бравлин, Бравалин и Бравленин). Пленив (страну) от Корсуни до Корчева, он пришел со мною силою к Сурожу. Десять дней тяжко бились между собою (осажденные и осаждающие), и после десяти дней вошел князь в город»¹⁷³. Далее в тексте описывается посмертное чудо святого, приведшее к крещению русского князя и его бояр. Скептики отказывались рассматривать это свидетельство как относящееся к ранней истории Руси, ссылаясь на то, что данный эпизод отсутствует в краткой греческой редакции Жития и Новгорода к моменту похода

¹⁷⁰ Михайлов К. А. Анализ первых оборонительных сооружений Киева и Новгорода на фоне фортификационных традиций раннесредневековой Европы // Новгород и Новгородская земля. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 284-285.

¹⁷¹ Янссон И. Скандинавские находки IX-X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 36.

¹⁷² Михайлов К. А. Анализ первых оборонительных сооружений Киева и Новгорода на фоне фортификационных традиций раннесредневековой Европы // Новгород и Новгородская земля. Вып. 23. Великий Новгород, 2009, С. 283-286.

¹⁷³ Голубинский Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1901. С. 53.

еще не существовало. Однако недавно была введена в научный оборот армянская редакция Жития Стефана Сурожского, где с незначительными вариациями описывается интересующее нас посмертное чудо этого святого. Вместе с приведенной выше датировкой возникновения Рюрикова городища это снимает имеющиеся возражения. Необходимо подчеркнуть, что отголоски этого похода сохранились в немецком эпосе, на что обратил внимание еще А. Н. Веселовский: «Бравлин-Мравлин, русский князь, ходил на Сурож, как в поэме об Ортните Илья русский участвует в походе на языческий (?), может быть, еврейско-хазарский (см. имя (правившего в нем. – М. С.) князя: Nacharel, Machorel, Zacherel: Нахор, Захария?) Suders: Suders от Su(g) da, Судак...»¹⁷⁴ Однако из этого тонкого наблюдения отечественного исследователя следует не только реальность самого похода, но и то, что западные славяне если даже не участвовали в нем непосредственно, то, по крайней мере, слышали о нем. Это обстоятельство опять-таки указывает на север Руси как на зону наиболее интенсивных западно-восточнославянских контактов и подтверждает, что поход на крымский Судак-Сурож был предпринят именно оттуда. Предание о далеком успешном походе русов с севера Восточной Европы через западнославянское посредничество вполне могло попасть в немецкий эпос. Таким образом, русы Жития Стефана Сурожского если и не являлись западными славянами, то явно находились с ними в интенсивном контакте. Все это показывает, что князь Бранлив-Бравлин с Рюрикова городища располагал достаточными силами для совершения крупномасштабного похода на Крым на рубеже VIII и IX вв.

Поскольку имя князя разнится в разных списках, наиболее вероятно, что оно является простой характеристикой предводителя русов как «бранливого». От др. – русск. *брань* – «война, битва» в нашем языке были образованы слова *бранник* – «воин» и *бранливый* – «воинственный». Показательно, что в древнерусской литературе слово *бранник* относилось не к обычному воину, а к выдающемуся полководцу: «Вс#ми Александръ любимъ бяше, яко умникъ и бранник»¹⁷⁵. В пользу этого предположения говорит и то, что в армянском тексте жития вождь нападавших на Судак варваров назывался Пролис¹⁷⁶. Оно также является не именем, а прозвищем, образованным от русского слова *лазить*, т. е. спускаться вниз или подниматься вверх, ползать, продираться, напирать. Производными от этого глагола стали слова «лазутчик» и «пролаз»¹⁷⁷. Последнее слово в XIX в. имело смысл «пройдоха», но первоначально оно обозначало человека, преодолевающего некую преграду, пролезающую через нее. О том, какого рода препятствие приходилось преодолевать, подсказывает древнерусское слово *пролаз* – «пролом, проем, пролаз», которое в отечественной письменности употреблялось применительно и к городским стенам¹⁷⁸. Кроме того, в старину глагол *лазиту* употреблялся в значениях «ходить, входить, выходить, заходить» и «лазить, влезать, карабкаться», в последнем случае и на стены: «Не ум#юще что ся домыслити лазяхуть на градные храмы съ тяжким оружиемъ»¹⁷⁹. Поскольку для русов это был первый опыт взятия укрепленных городов, то неудивительно, что в прозвище, данном ими своему предводителю, как раз и отразилось его умение преодолевать крепостные стены. То, что различные прозвища вождя нападавших как в русском, так и в армянском вариантах Жития объясняются из древнерусского языка, показывает, кем же на самом деле были напавшие на Сурож русы. В пользу того, что их предводитель также был славянином, говорит и то обстоятельство, что археологические данные фиксируют присутствие определенного количества скандинавов на территории

¹⁷⁴ Веселовский А. Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском // ИОРЯС. 1906. Т. 11. Кн. 3. С. 44.

¹⁷⁵ Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 317.

¹⁷⁶ Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 65-66.

¹⁷⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб. – М., 1881. С. 238.

¹⁷⁸ Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 20. М., 1995. С. 157.

¹⁷⁹ Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 162-163.

Рюрикова городища. В момент их появления Любшанская крепость контролировала стратегический путь, ведущий к будущему Новгороду. Находившийся в крепости западнославянский гарнизон едва ли спокойно пропустил бы к себе в тыл отряд вооруженных скандинавов. Подобное представляется крайне маловероятным хотя бы по тому, что в таком случае защитникам крепости в любую минуту грозил одновременный удар викингов как со стороны моря, так и со стороны суши. Объяснить подобное несоответствие может лишь то предположение, что мимо Любшанской крепости эти скандинавы шли не сами по себе, а в составе дружины западнославянского князя. Логично предположить, что лишь в таком случае гарнизон крепости мог спокойно пропустить в глубь контролируемой ими территории иноплеменных пришельцев.

Возможно, что, опираясь именно на Любшанскую крепость, варяги обкладывают данью северные племена Восточной Европы. Следует отметить, что, подробно рассказав о начале хазарской дани, автор ПВЛ ничего не сказал об установлении дани варяжской, что наводит на мысль о ее изначальном характере. Следует добавить, что в среде западнославянских племен существовала традиция взимания дани, носившей к тому же религиозный характер. Описывая современное ему положение дел, немецкий хронист XII в. Гельмольд так характеризует живших на Рюгене ранов: «Раны же, у других называемые рунами – это кровожадное племя, обитающие в сердце моря, преданное сверх всякой меры идолопоклонству. Они занимают первое место среди всех славянских народов, имея короля и знаменитейший храм. Именно поэтому, благодаря особому почитанию этого храма, они пользуются наибольшим уважением и, на многих налагая дань, сами никакой дани не платят, будучи неприступны из-за трудностей своего месторасположения. Народы, которые они подчинили себе оружием, принуждаются ими к уплате дани храму»¹⁸⁰. Как отмечал Й. Херрман, храм Арконы на этом острове существовал уже в IX в. Кроме Арконы у западных славян было еще знаменитое святилище в Ретре. Не исключено, что во имя какого-нибудь из этих двух святилищ и была наложена варяжская дань на племена на севере Восточной Европы. Следует отметить, что в XII в., согласно сообщению Саксона Грамматика, ране обложили данью датский остров Лолланд, а в письме папе римскому 1169 г. датский король Вальдемар отмечал, что жители Рюгена «были преданы не праведной вере, а идолопоклонству и заблуждению, облагали данью окружавшие их области и непрерывно нападали на Датское королевство и всех своих соседей, принося им великое разорение и угнетая их»¹⁸¹. Если ране облагали данью даже воинственных скандинавов, то нет ничего невозможного в том, что они могли возложить ее на славянские и финно-угорские племена. Вполне возможно, что первоначально эта дань не была особо обременительной, однако с началом полномасштабного функционирования «пути из варяг в арабы» размер поборов с местного населения существенно возрос, что и вызвало его восстание.

Согласно отечественной Иоакимовской летописи, варяжская дань была установлена при князе Бурибое. Он вел тяжелую войну с варягами, неоднократно побеждал их и стал обладать всею Биармией до Кумени. Наконец при этой реке он был побежден, все его воины пали, а сам он, едва спасшись, пришел в град Биармы, где и умер. Варяги же немедленно захватили град Великий и другие и возложили тяжелую дань на славян, русь и чудь. Сами западнославянские предания по этому поводу до нашего времени не сохранились, но их отголоски вошли в немецкую сагу о Тидреке Бернском. Среди прочего в ней описывается война между конунгом Вильтином (Вилькином) и русским конунгом Гертнитом. Между владениями обоих лежит Балтийское море. «Если Rusziland (с Новгородом) и Viltinaland разделены морем, – отмечает исследовавший текст саги А. Н. Веселовский, – то вероятнее мне-

¹⁸⁰ Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 100.

¹⁸¹ Пауль А. Славянский след в Скандинавии и двойные стандарты интерпретаций // <http://archive.today/SIMmZ>

ние Storm'a, что по воззрению составителя саги Вильтиналанд обнимала, кроме Швеции и Дании, еще и вендские земли между Эльбой и Одером»¹⁸². Хотя держава Вильтина включает в себя и скандинавские страны, из самого ее названия очевидно, что основу ее составляют земли западнославянского племени вильцев или велетов. С неменьшим размахом сага рисует владения его соперника: «Тогда вышел против него Гертнит-конунг, правивший в то время Русью и большей частью Греции и Венгрии, почти все восточное царство было под властью его...»¹⁸³ Война оказалась неудачной для Гертнита: «Конунг Вилькин всегда побеждал русских, опустошил Польшу и все царство до моря, а после того повел свое войско на Русь и завладел там многими большими городами, Смоленском и Полоцком, и не прежде оставил (дело), как въехал в Гольмгард, что был главным городом над городами конунга Гертнита. <...> Некоторое время спустя конунги договорились, что конунг Гертнит удержит за собой свое царство и станет платить конунгу Вилькиндундань со всей своей земли. После того войско вилькинов осталось на Руси, а конунг Вилькин отправился восвояси в страну Вилькиндундань»¹⁸⁴. Однако после смерти Вильтина Гертнит не только освободился от дани, но и сам подчинил своей власти страну велетов.

Саму сагу о Тидреке можно датировать XI в. и по времени своего возникновения это произведение немецкого эпоса примерно синхронно ПВЛ. Однако к XI в. относится лишь оформление окончательного варианта саги, в котором она дошла до наших дней. Специалистам по фольклору хорошо известно, что эпос обычно содержит разновременные пласты информации, соединенные вместе народным творчеством и им зачастую преувеличенные. Хотя сага знает Смоленск, Киев и Полоцк, однако она именуется Гольмгард-Новгород «главным городом над городами» и столицей Гертнита. Очевидно, что эта подробность могла попасть в немецкую сагу до образования единого Древнерусского государства со столицей в Киеве, т. е. до 882 г. Восприятие Новгорода как главного города Руси непосредственно сочетается в саге о Тидреке с известием о победе Вильтина над правителем Восточной Европы Гертнитом и возложении на него дани. Данный эпизод находит свою явную параллель в известии ПВЛ о варяжской дани, возложенной заморскими пришельцами на славянские и финно-угорские племена. Естественно, в сагу он попал не как непосредственная констатация этого факта, а в его преломлении сначала в героических сказаниях самих велетов, а затем, возможно, и немцев, в результате чего и превратился в описание войны двух великих европейских империй. Однако для нашего исследования принципиально важным фактом является не поэтическое преувеличение этого события, а то, что современный ПВЛ иностранный источник отмечает победу велетов над восточными славянами и взимание с них дани.

То, что взимавшие дань варяги принадлежали к племенному союзу велетов-лютичей, подтверждается и другими данными. Биограф Карла Великого Эйнгард так описал положение этого племени в VIII в.: «По окончании всех этих беспокойств открылась борьба с славянами, которые по-нашему называются вильцы, а по-своему, то есть на своем языке, велатабы. <...> Но восточный берег (Балтийского моря. – М. С.) населяют славяне, аисты (эсты) и другие различные народы; между ними первое место занимают велатабы, которым в то время король объявил войну»¹⁸⁵. Из текста франкского историка следует, что велеты-вильцы обладали бесспорным первенством по отношению ко всем остальным народам, обитавшим на южном и восточном берегах Балтийского моря.

¹⁸² Веселовский А. Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском // Известия Отделения русского языка и словесности. 1906. Т. 11. Кн. 3. С. 6.

¹⁸³ Там же. С. 134.

¹⁸⁴ Там же. С. 134-135.

¹⁸⁵ Стасюлевич М. История Средних веков. Т. 2. СПб., 1886. С. 17-18.

Дальнейшие события хорошо известны нам из летописи: «В л#т 862. Изгнаша Вар#ги за море и не даша имъ дани. и почаша сами в соб# волод#ти. и не б# в нихъ правды. и въста родъ на родъ. [и] б#ша в них# усобиц#. и воевати почаша сами на с# [и] р#ша сами в себ#. поищемъ соб# кн#з#. иже бы волод#ль нами. и судиль по праву. [и] идаша за море къ Вар#гомъ к Русі. <...> р#ша. Русь. Чюдъ [и] Слов#ни. и Кривичи. вс# земл# наша велика и #билна. а нар#да в ней н#тъ. да пойд#те кн#жить и волод#ти нами. и избращас# 3 братья. с роды своими. [и] пояша по соб# всю Русь. и придоша стар#ишии Рюрикъ [с#де Нов#город#]. а другии Синеоусъ на Б#л##зер#. а третии Изборьст#. Труворъ. [и] # т#хъ [Вар#гъ] прозвас# Руская земл# Новугородъци ти суть людье Нооугородъци # рода Вар#жьска. преже бо б#ша Слов#ни»¹⁸⁶ – «В год 862. И изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собою владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сами решили: “Поищем сами себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. <...> Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли. И сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой – Синеус, – на Белом озере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы суть люди от рода варяжского, а прежде были словене».

В Новгородской I летописи выражение «въста родъ на родъ» заменено на «въсташа град на град», что, как показали археологические раскопки, более соответствовало происходившим событиям. Достоверность летописного известия подтверждается одновременными пожарами или прекращением существования в середине IX в. целого ряда поселений на северо-западе, таких как Холопий городок под Новгородом, Псков и Труворово городище. Первоначально в этот список включали и Ладогу, где, как писал Г. С. Лебедев, V ярус (ок. 840 – ок. 865) оказался уничтожен сильным пожаром, при раскопках на окраине поселения были найдены обгоревшие останки женщины и ребенка¹⁸⁷. Однако последующие исследования заставили скорректировать дату ладожского пожара: «Таким образом, привлечение новых дендрохронологических данных позволяет уточнить дату пожара горизонта E2 и отнести его не к рубежу 50-60-х годов IX в., а ко второй половине 60-х годов (не ранее 863 г. и не позднее 870 г.)»¹⁸⁸. Очевидно, что вспыхнувшая вслед за изгнанием варягов междоусобная война привела к перебою в функционировании трансконтинентального торгового пути. Выше уже приводились данные по находкам куфических монет в Волховско-Ильменском регионе, где пик торговой активности 800-824 гг. (531 экз. и 8 кладов) сменяется почти полным ее прекращением в 850-х гг. (3 экз. и 1 клад). По наблюдениям нумизматов, исходивших из датировки пожара в Ладоге 860 г., после этого примерно на десятилетие прерывается поступление серебра в Швецию и на Готланд. Очевидно, что нарушение торговли ударило по экономическим интересам восточноевропейской племенной знати. Это, очевидно, повлияло на ее решение на определенных условиях вновь призвать из-за моря варягов для восстановления регулирования трансконтинентальной торговли, с чем они достаточно неплохо справились до этого, и возобновления поступления регулярных доходов для племенной верхушки. Кроме того, расположением вдоль пути «из варяг в арабы» во многом и объясняется состав участвовавших в призвании племен. Разумеется, это была не единственная причина призвания Рюрика с братьями, но, по всей видимости, одна из основных.

¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 19-20.

¹⁸⁷ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С.466-467.

¹⁸⁸ Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 91.

Другой, не менее важной задачей, которую восточноевропейские племена пытались решить с помощью призвания нового правителя, было прекращение губительной междоусобицы. Лучше понять сложившуюся ситуацию нам поможет аналогия из древнерусской «Повести о Петре и Февронии». Из-за низкого происхождения жены муромского князя Петра бояре вынудили его оставить свой престол. Когда он спустя некоторое время хотел отплыть, его нагнали муромские вельможи, обратившиеся к нему со следующей мольбой: «Господин наш князь! От всех вельмож и от жителей всего города пришли мы к тебе, не оставь нас, сирот твоих, вернись на свое княжение. Ведь много вельмож погибло в городе от меча. Каждый из них хотел властвовать, и в распре друг друга перебили. И все уцелевшие вместе со всем народом молят тебя: господин наш князь, хотя и прогневали и обидели мы тебя тем, что не захотели, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими, но теперь, со всеми домо-чадцами своими, мы рабы ваши и хотим, чтобы были вы, и любим вас, и молим, чтобы не оставили вы нас, рабов своих!»¹⁸⁹ Однако уцелевшим муромским боярам было гораздо легче прийти к согласию между собой, чем участникам усобицы IX в., уже в силу того, что все они безусловно признавали авторитет и право своего князя на власть в городе. Как было показано выше, княжеская власть существовала у ильменских словен еще до призвания варягов, и вполне возможно, что аналогичные племенные княжения могли существовать и у некоторых других участников конфликта. Соответственно, необходимо было выбрать такого правителя, чей авторитет и право на власть признавались бы всеми вовлеченными в междоусобицу сторонами.

Именно на благородство происхождения делает акцент Иларион при упоминании императорского титула кагана у правнука Рюрика: «Сии славнии от славныхъ рожься, благородень от благородныхъ, каганъ нашъ Влодимеръ...»¹⁹⁰ На это ссылается и Гостомысл в своей речи, когда он советует новгородцам призвать варяжских князей: «...того ради намъ надобны Князи, которые бы нами влад#ли; а таковы три брата Князи, изъ честнаго произведенія крови, обр#таются въ Варяжской земл#, разумомъ и храбростію воинскою славны...»¹⁹¹ Данная речь новгородского старейшины была помещена в «Синописис» XVII в., и мы вполне бы могли пренебречь этим текстом, расценив его как вольную фантазию позднего автора, если бы аналогичные представления о природе верховной власти у славян нам не встречались бы в гораздо более ранних источниках, заслуживающих безусловного доверия. Так, например, византийский император Юстиниан II в 691 г. набрал войско из живших в Фессалониках славян: «Он набирает из них войско численностью до тридцати тысяч, вооружив которое он нарек его “отборным”, поставив над ними архонтом некоего по имени Небул из более благородных (среди них)»¹⁹². Данное замечание автора показывает, что у южных славян имелись «благородные», т. е. наиболее знатные и главенствующие роды, из числа которых и избирался верховный вождь. Франкские анналы, описывая войну 789 г. Карла Великого с полабскими славянами, упоминают верховного правителя велетов-вильцев Драговита, отмечая при этом, что «он далеко превосходил всех царьков вильцев и знатностью рода, и авторитетом старости»¹⁹³. Примечательно, что все так называемые «младшие анналы», упоминая титул Драговита, именуют одного его царем (гех), точно так же, как и самого Карла Великого. Все эти данные, относящиеся к самой ранней письменной зафиксированной истории как южных, так и западных славян, свидетельствуют о том, что главенство среди племенных вождей зависело в первую очередь от знатности рода и благородства

¹⁸⁹ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 643.

¹⁹⁰ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 591.

¹⁹¹ Гилъаров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878. С. 124.

¹⁹² Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.). М., 1995. С. 233.

¹⁹³ Там же. С. 471, примеч. 7.

происхождения. В силу всего этого мы с уверенностью можем заключить, что данное обстоятельство напрямую относилось и к самому основателю русской великокняжеской династии. Соответственно, если приведенное выше утверждение «Синописа» XVII в. о Рюрике и его братьях, что они «изъ честнаго произведения крови», и не восходит непосредственно к какому-то несохранившемуся древнерусскому тексту, то, во всяком случае, абсолютно верно по смыслу и отражает древнюю общеславянскую традицию.

Однако в языческую эпоху это благородство в первую очередь обуславливалось происхождением правителя от верховного божества. Соответственно, для легитимации своей власти греческие базилики возводили свой род к Зевсу, а скандинавские – к Одину. Что касается западных славян, то в XII в. немецкий хронист Гельмольд так описывал почитавшегося на Рюгене «бога богов» Святовита: «Среди многообразных божеств, которым они посвящают поля, леса, горести и радости, они признают и единого бога, господствующего над другими в небесах, признают, что он, всемогущий, заботится лишь о делах небесных, они (другие боги), повинувшись ему, выполняют возложенные на них обязанности и что они от крови его происходят и каждый тем важнее, чем ближе он к этому богу богов»¹⁹⁴. Едва ли мы совершим большую ошибку, если распространим эти представления и на иерархию среди людей. О том, что и русские великие князья являлись потомками богов, свидетельствует и сообщение анонимного автора «Худуд ал-алем» о восточных славянах-язычниках: «Послушание (главе славян) является обязательным, согласно религии»¹⁹⁵. Сделанному нами выводу на первый взгляд противоречит то обстоятельство, что в призвании принимали участие не только славянские, но и финно-угорские племена, для которых авторитет славянских правителей отнюдь не был обязательным. Однако выше уже были показаны примеры славянского влияния на них. Кроме того, последующие события показывают, что слава западнославянских князей была столь велика, что их призывали и неславянские племена. Так, например, когда в 1286 г. различные прусские племена решили восстать против крестоносцев, они выбрали себе в правители князя Рюгена Вицлава III: «Итак, они договорились на тех условиях, чтобы пригласить князя руйянов с сильным войском и, вышвырнув братьев из земли Прусской, поставить его королем и господином своим»¹⁹⁶. Таким образом, это единственное, возможно, возражение устраняется.

На эту причину еще в XIX в. проницательно обратил внимание С. А. Геденов: «По мере размножения прежних княжеских родов, при недостатке образования и письменности, терялась нить старшинства и вместе с нею идея законности; пользуясь враждами племен, разжигаемые до нельзя притязаниями одного города перед другим, на родовое и религиозное старшинство, князья находили в них неисчерпаемый предлог к усобицам... Требования призвания определяются его причинами. Притязания прежних княжеских родов прекращались только передачею прав их в иной, **высший** по своему значению в Славянщине, род славянских князей; потребности наряда могло удовлетворить только призвание князя, который бы владел словенскою землею и судил по **праву**, разумеется **словенскому**»¹⁹⁷. Происхождение Рюрика мы рассмотрим в следующей главе, а пока обратимся к другим обязательным качествам призывавшегося князя.

Летописный текст совершенно определенно говорит, что призванию предшествовало состояние, когда в результате внутренних распрей у северной части восточного славянства «не б# в нихъ правды», и именно за обретением этой самой Правды и наряда они и отправились к варяжским князьям, которые и рассматривались как носители этих исключитель-

¹⁹⁴ Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 186.

¹⁹⁵ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М., 1967. С. 145.

¹⁹⁶ Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997. С. 140.

¹⁹⁷ Геденов С. Варяги и Русь. СПб., 1876. С. 130, 132.

ных по значимости в глазах восточных славян начал. Естественно, что Правда и наряд в ту эпоху были неразрывно связаны с языческой религией. Эту связь справедливо отметил историк-эмигрант М. В. Шахматов: «Свои религиозные и религиозно-нравственные стремления и чаяния древнерусские люди распространяли далеко за пределы области чистой веры. В частности, распространяли они их и на область государственных и правовых явлений. Они стремились строить государство и власть во имя и ради Вечной Правды, лишь ничтожной частью которой была для них правда человеческая, государственная. По представлениям летописей, русские люди уже с древних времен стремились к водворению “правды” в своей земле»¹⁹⁸. Создание основанного на Правде общественного устройства и является тем самым великим заветом, который наши далекие предки оставили нам более чем тысячу лет назад, к осуществлению которого постоянно стремился наш народ на протяжении всей своей последующей истории и который до сих пор дорог сердцу каждого истинного русского человека.

Выше уже отмечались связи между восточнославянским Новгородом и западнославянским Старградом, и весьма показательно, что именно там источники фиксируют связь языческой религии с правом. Гельмольд в качестве непосредственного очевидца сообщает о главном боге старградской земли и его святилище следующее: «Здесь среди очень старых деревьев мы увидели священные дубы, посвященные богу этой земли, Прове. Их окружал дворик, обнесенный деревянной, искусно сделанной оградой, имевшей двое ворот. Все города изобиловали пенатами и идолами, но это место было святыней всей земли. Здесь был и жрец, и свои празднества, и разные обряды жертвоприношений. Сюда каждый второй день недели имел обыкновение собираться весь народ с князем или жрецом на суд»¹⁹⁹. Рассказывая о деятельности епископа Вицелина, Гельмольд прямо отмечает поклонение жителей Старгарда-Ольденбурга Прове: «И пришел он в новый город, что Любеком называется, чтобы укрепить живущих там, и освятил алтарь во имя Господа. Возвращаясь оттуда, он посетил Ольденбург, где некогда находилась кафедра епископа, и был принят язычниками, жителями этой земли. Богом их был Прове»²⁰⁰.

То, что католический писатель неправильно передал имя этого славянского бога, заподозрили еще в XIX в.: «У Гельмольда мы читаем имя его двояко: *Prone* и *Prove* (*Proven*); в первом случае представляется искаженное немцами слово *Перун*; во втором имя бога было бы *Прав*, *Право*, что-то вроде литовского *Prowe* (то есть право и божество права). Но последнее чтение, хотя и чаще попадающееся в тексте Гельмольда, мы считаем совершенно ложным»²⁰¹. А. Гильфердинг решительно отвергает понимание Прове как Права, однако современные исследователи не разделяют его категоричности, допуская совмещение обоих возможных вариантов. Так, В. Пизани полагает, что имя Прове изначально у полабских славян звучало как *prav* – «правый, справедливый», являясь одним из эпитетов громовержца Перуна²⁰². В пользу связи Прове с Правом и Правдой говорит регулярное осуществление суда в его святилище. Однако даже если Прове и был персонификацией Правды, его образ все равно восходил к образу общеславянского Перуна, главной функцией которого была функция хранителя вселенского закона²⁰³. На их тождество указывает и дуб, бывший у восточных славян священным деревом громовержца.

Исследовавшие лексику древнего славянского права В. В. Иванов и В. Н. Топоров отмечали, что «*pravъ* имеет отношение к сфере упорядоченного, законосообразного, опре-

¹⁹⁸ Шахматов М. В. Государство Правды // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 68.

¹⁹⁹ Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 185-186.

²⁰⁰ Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М., 2011. С. 231-232.

²⁰¹ Гильфердинг А. Собрание сочинений. Т. 4. История балтийских славян. СПб., 1874. С. 189.

²⁰² Pisanì V. Il poganesimo balto-slavo // Storia degli religioni. Toronto, 1965. V. 2.

²⁰³ Подробнее об этом см.: Серяков М. Л. Вселенский закон – незримая ось мироздания. М., 2005.

деляющего функционирование и самого мира (природный аспект), и отношений в обществе (социально-правовой аспект). Специфика славянской традиции по сравнению с другими близкородственными как раз и заключается в архаичной нерасчлененности понятий права, справедливости и закона... Право, правда, справедливость, как и воплощающий их закон, имеют божественное происхождение, исходят от Бога, ср.: *божья правда* (ср. формулу: а тот став скажет как право пред Богом. Пск. Судн. Грам. 20, стр. 55 и др.), *божий суд*)²⁰⁴. Правда имела огромное значение в мировосприятии древних славян. Этимология позволяет нам понять, какой исходный смысл вкладывался славянами в это понятие: «Само соотнесение, с одной стороны, правъ, с другой – кѣвъ, лѣвъ убеждает в необходимости выделения древнего корневого элемента пра-, который, по всей видимости, связан с и.-е. *reg-/rog-* как указание некоей границы, предела (ср. др. – греч. *regaj*), эталона, а отсюда, согласно Л. Р. Пальмеру, и судьбы, доли... Если приведенные сопоставления верны, то оказывается возможным понимание права, правды как некоей опоры»²⁰⁵.

О том, насколько глубоко было укоренено подобное мироощущение в нашем народе, свидетельствует пример Ивана Пересветова, который через семьсот лет после призвания Рюрика в сочинении, адресованном предпоследнему представителю основанной им династии, вывел свою чеканную формулу: «Коли правды нет, то и всего нет»²⁰⁶, да при этом еще однозначно отдал приоритет Правде, а не православной вере. Спустя столетия В. Даль среди простого народа зафиксировал такие выражения, как «Стоять за правду», «Право ходить – душой не кривить», «Без правды не житье, а вытье», «Все минется, одна правда останется».

Анализируя старославянские выражения с корнем *прав*, Р. М. Цейтлин так определяет основное и наиболее часто встречающееся значение этого корня: «Так, существительное ПРАВЬДА употребляется в одиннадцати старославянских рукописях около двухсот раз в значении “справедливость”... Значение “правильный, справедливый”, скорее всего, развилось из значения “не отклоняющийся от прямого (пути), прямой”...»²⁰⁷ Современные исследователи выделяют в древнерусском языке для слова **правда** целый спектр значений: «правда, истина»; «справедливость как свойство праведное, праведность», в том числе и «справедливость как свойство божественной сущности»; «справедливость как соответствие действий и поступков требованиям морали и права; праведные деяния; исполнение божественных заповедей, долга» («Супротивить же ся мудрости лукавство и зълонравиу, правд# же насиле и лихоимство»), в частности «справедливо, подобающим образом»; «правдивые, справедливые слова, речи»; «правота, отсутствие вины»; «правдивость, честность»; «повеление, заповедь»; «установление, правило, закон; свод законов»; «договор, условие договора»; «обет, обещание»; «право; права»; «право суда»; «суд; судебное испытание»; «свидетель»; «пошлина за призыв свидетеля»²⁰⁸.

Земная правда воспринималась славянами как неразрывно связанная с небесной, божественной Правдой как ее непосредственное продолжение или проекция на человеческом уровне. Подготовленный при непосредственном участии самого Мефодия «Закон Судный людям», ставший одним из древнейших письменных памятников славянского права эпохи начавшейся христианизации, провозглашает: «Преже всякая правды достойно есть о б(ож)ии правд# г(агол) лти»²⁰⁹. В международном договоре с Ригой 1284 г. мы читаем: «Аже иметь жялобитися вась кто на Рижяны или Г#лмино или кто иныи, и вышлите к намъ, а мы правду

²⁰⁴ Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 235.

²⁰⁵ Там же. С. 236-237.

²⁰⁶ Сочинения И. Пересветова. М., 1956. С. 176.

²⁰⁷ Цейтлинг Р.М. О значении старославянских слов с корнем – *прав-*// Этимология. 1978. М., 1980. С. 62, 64.

²⁰⁸ Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 18. М., 1992. С. 96-99.

²⁰⁹ Закон Судный людем краткой редакции. М., 1961. С. 35.

дамы по божьи правд#»²¹⁰. Хотя оба этих памятника и были составлены уже в христианскую эпоху, тем не менее представления об универсальном вселенском законе, частным случаем которого был человеческий закон, восходят к глубочайшей индоевропейской древности и были обусловлены язычеством, а не новой религией. Детально этот вопрос был мною рассмотрен в исследовании о вселенском законе. Согласно широко распространенному у наших предков убеждению, как внутриобщественные, так и межгосударственные отношения должны были основываться на Правде. В эпоху государственности внешним выражением правды становятся законы, вошедшие в нашу историю под названием Русской Правды. Хоть уже договор Олега с Византией свидетельствует о существовании на Руси достаточно развитого законодательства, тем не менее первый дошедший до наших дней сборник законов связан с именем Ярослава Мудрого. Его сыновья расширили данный сборник, и новгородский летописец так говорит об этом событии: «Правда установлена Руской земли, егда совокупилъ Изяславъ, Всеволод, Святославъ, Коснячко, Перен#гъ, Микифоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула»²¹¹. Уже один этот список имен показывает, что в установлении этого сборника законов принимали участие не только правившие в своих княжествах Рюриковичи, но и их приближенные, не принадлежавшие к княжеской династии. В идеале все общественное устройство нашей земли должно было строиться только на основе Правды, которую люди были готовы отстаивать до конца. Категорически осуждая пролитие крови «бес правды», наши далекие предки всегда были готовы отдать жизнь за этот основополагающий принцип. Так, например, при описании событий 1255 г. новгородский летописец отмечает, что горожане поклялись «како стати вс#мъ, любо живот, любо смерть за правду новгородскую, за свою отчину» и, верные своему слову, «стоя весь полкъ по 3 дни за свою правду»²¹².

Соответственно, и князь мыслился нашими предками как носитель Правды, и это представление сохранилось у них, несмотря даже на смену религии. Уже Иларион прославляет Владимира за то, что тот, возмужав «единодержецъ бивъ земли своеи, покоривъ подъ ся округняа страны, овы миромъ, а непокоривыа мечемъ, и тако ему въ дни свои живуцю и землю свою пасущю правдою, мужьствомъ же и смысломъ», завершая его восхваление следующим образом: «Ты правдою б# обл#ченъ, кр#постию препоясанъ, истинною обушь, смысломъ в#нчанъ и милостынею яко гривною и утварью златою красуясь»²¹³. Как видим, именно Правда стоит на первом месте как основное качество настоящего правителя. Рассказывая о смерти в 1078 г. великого князя Изяслава, летописец отмечал, что умерший был «т#ломъ великъ. незлобивъ нравомъ. криваго ненавид#. любя правду. не б# в немъ лсти»²¹⁴. Сообщая через несколько лет, в 1093 г., о смерти другого великого князя, Всеволода Ярославича, автор ПВЛ вновь отмечает, что и он с юности «любя правду», а отец, выделяя его из всех остальных сыновей, надеялся, что он получит киевский престол после братьев своих «с правдою а не с насильемъ», что и случилось.

Выше мы привели известие о призвании варягов по Лаврентьевской летописи. В Ипатьевской летописи он излагается почти так же, однако там восточные славяне и финно-угры решают «поищемъ сами в соб# кн#з#. иже бы волод#ль нами и р#дилъ. по р#ду по праву»²¹⁵. Очевидно, что эти слова означают желание словен и кривичей найти правителя среди родственных себе племен, близких им по духу, крови и языку, а ими могли быть только западные славяне, но никак не норманны. Первейшая функция призываемого князя в представлении

²¹⁰ Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1992. Вып. 18. С. 97.

²¹¹ ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 177.

²¹² Там же. С. 81.

²¹³ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 591, 596.

²¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 202.

²¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 14.

восточных славян заключалась в том, чтобы он «судить по праву», праву, как совершенно справедливо подчеркивал С. А. Геденов, славянскому. Суд первоначально точно так же был связан с языческой религией. Относящееся к ваграм свидетельство Гельмольда об осуществлении суда в святилище Прове было уже приведено выше. Относительно восточных славян можно привести не только восходящее к индоевропейской эпохе понятие божия суда, но текст заговора, согласно которому суд осуществляется на Алатыре – священном центре мира русских заговоров: «Есть святое море Окиян; во святом море Окияне есть камень Латырь, на камне Латыре есть три брата родимые, три друга сердечные: один судит, другой дела отправляет, третий уроки заговаривает...»²¹⁶ Неразрывно связанное с Правдой понятие суда, разумеется праведного, точно так же включало в себя глубокий архаический смысл. Как отмечают В. В. Иванов и В. Н. Топоров, славянское слово **суд** восходит к и.-е. *dhe*, родственного др. – инд. *dhamaṇ*, «закон». Общеславянское название суда произошло от индоевропейского корня и приставки *so* – «установить, присоединить». Поскольку в речи выражение «судить-рядить» нередко употребляется как синоним, исследователи предполагают, что к индоевропейскому корню *dhe* восходит и праслав. *redъ*: «Если высказанные соображения окажутся справедливыми, то в юридических терминах **ряд, рядить, орудие** (к *god-*: *red-*) обнаруживается глубинный архаизм, отсылающий нас к мифологической концепции универсального закона. По-видимому, уже в индоевропейском корень *dhe-* означал одно из самых кардинальных действий по устройству мира во всех его аспектах, введение определенного порядка, что и отражается в описанных употреблениях праслав. *sođь, redъ...*»²¹⁷ Правосудие в глазах призывавших Рюрика славянских племен означало следование нормам славянского права, знать которые скандинавский конунг едва ли мог. Соответственно, судить по славянскому праву мог только славянин, но никак не скандинав.

Кроме того, часть исследователей понимает летописный текст в том смысле, что между призванными варяжскими князьями и четырьмя племенами было заключено соглашение-ряд. Слово **ряд** имело в древнерусском языке много значений, в том числе «стройность, равенство; организованность» («И сташа около его (Твердислава) полкомъ и урядивъше на 5 пълковъ. Князь же узр#въ рядъ ихъ, оже хотять кр#пъко животь свои отдати, и не поеха»), «решение спорных дел, правосудие; порядок, управление» («Възнегодоваша новгородци, зане не створи имъ ряду...»; «Боляри рязаньскіи... биша ему (Дмитрию Донскому) челомъ и рядишася у него в рядъ»), в частности «дело, касающееся управления; вопрос, требующий решения»; «правило, устав, распорядок» («Нъ егда м#ним Б(ог) а что творяща, то не мози ряду естъственном(у) разум#вати...»); «договор, уговор, условие, соглашение» (уже под 912 г. летопись отмечает: «Посла мужи свои Олегъ построити мира и положити ряд между рус(ь) ю и грекы»). Под 1149 г. «Вячеславъ послуша брата своего и свата Володимира, приемъ въ с(е) рдци слова его, потъкнуся к ряду и к любви»); выражение «покладати рядъ» означало «устанавливать порядок владения, управления на подвластной территории»²¹⁸. В отношении ряда даже норманисты вынуждены признать: «Однако собственно скандинавская традиция не знает договоров-рядов»²¹⁹. Таким образом, несмотря на все благородство происхождения, варяжские князья и восточнославянские племена при этом выступают как равноправные договаривающиеся стороны и, как можно предположить, заключают между собой соглашение на определенных условиях.

²¹⁶ Майков Л. Великорусские заклинания. СПб., 1869. С. 134.

²¹⁷ Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 232.

²¹⁸ Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С. 282-283.

²¹⁹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. 1990. М., 1991. С. 226.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.